

АНАТОЛИЙ БЕЗУГЛОВ
•
ФАКЕЛ САТАНЫ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая библиотека
приключений и научной фантастики

Анатолий Безуглов

Факел сатаны

«Центрполиграф»

1991

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)

Безуглов А. А.

Факел сатаны / А. А. Безуглов — «Центрполиграф»,
1991 — (Классическая библиотека приключений и научной
фантастики)

ISBN 978-5-9524-5305-0

Бомжи, валютные проститутки, дельцы от культуры, представители
окультистских наук, пассажиры НЛО, просто жулики и, конечно, работники
милиции и прокуратуры – главные герои романа «Факел сатаны».
Неординарная композиция романа, острота и непредсказуемость сюжета – все
это характерно для детективов Анатолия Безуглова.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-9524-5305-0

© Безуглов А. А., 1991
© Центрполиграф, 1991

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	30
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Анатолий Алексеевич Безуглов

Факел сатаны

Если нет Бога, то все дозволено.
Ф.М. Достоевский

© А.А. Безуглов, 2018

© ЗАО «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2018

* * *

Глава 1

В заказнике «Ущелье туров» ждали высокое начальство. И пожалуй, впервые за долгие годы – с нетерпением и надеждой. Новый председатель облисполкома Иван Иванович Забалуев поддерживал идеи зеленых, и главный лесничий заказника – Генрих Петрович Струмилин – надеялся на толковый и дельный разговор без традиционной пьянки и отстрела зверья.

Забалуев приехал вовремя, оставил служебную машину возле скромного домика струмилинской конторы и с удовольствием согласился пройти по лесу. Стоял дивный октябрьский денек, тихий, прозрачный, с пением птиц и запахом прели. Дойдя до небольшой поляны, мужчины замерли перед огромным дубом.

– Триста лет стоит, – с гордостью заметил Струмилин и погладил растрескавшуюся кору великана.

– Ветеран, – с почтением кивнул Забалуев.

Они помолчали несколько мгновений и тут увидели человека, появившегося из зарослей можжевельника на краю поляны. Он был худ, долговяз, в джинсах с прорехами на коленях и рваной рубаше.

– Что это за леший? – спросил Иван Иванович, хотя облик незнакомца совершенно не соответствовал образу лохматого сказочного персонажа – у мужчины была голая, как бильярдный шар, голова и никакой растительности на словно специально отбеленном лице.

– Бомж, – пояснил Струмилин. – Кличут, кажется, Баобабом...

Бомж тащил что-то за собой, и, когда выдрал ношу из пустых зарослей, она оказалась огромным чемоданом. Баобаб волок его по земле. Видать, поклажа была непомерно тяжела. Бродяга, сделав несколько шагов, останавливался, отдыхал и снова продолжал путь. Наблюдавших за ним он не замечал. И, добравшись до бывшей траншеи, столкнул в нее чемодан и тут же прыгнул туда сам. Когда голова бомжа исчезла за краем рва, Струмилин озабоченно произнес:

– Что-то подозрительно...

Они подошли к траншее... Баобаб, сидя на корточках, порывисто дышал, сопел, забрасывая свою поклажу сучьями, листьями и вырванной из земли травой.

– Привет, – сказал главный лесничий.

Бомж от неожиданности отпрянул и привалился спиной к пологой стенке рва.

– Здравствуйте, – заикаясь, пролепетал он.

– Что прячем? – строго спросил Струмилин.

Бродяга словно потерял дар речи. Он попытался встать, однако сполз на дно траншеи. Потом, цепляясь за траву, все-таки выпрямился. У него были белесые брови и розовые, как у кролика, глаза. Типичный альбинос.

– Что, язык проглотил? – повысил голос Струмилин.

– Вот... Ну, это... Чемодан, – пробормотал бомж и быстро разгреб листья и траву.

Чемодан был новый, скорее всего заграничный. На светло-желтой коже виднелись свежие царапины и зеленые полосы, оставленные ветками кустов и травой. С такими огромными чемоданами на колесиках обычно прибывали в Южноморск иностранные туристы...

– Твой? – спросил главный лесничий.

– Нет... Нашел, – ответил Баобаб, отводя глаза в сторону и вытирая ладони о джинсы.

– А может, спер?

– Честное слово, нашел... Не верите?

– Что в чемодане?

– Человек, – тихо сказал бродяга.

– Какой человек? – опешил Струмилин.

– Мужик... В галстуке.

Забалуев и Струмили́н переглянулись: наверное, у обоих возникли сомнения насчет умственных способностей бомжа.

- Ты что, уже поддал? – спросил Генрих Петрович.
- Немного принял, – с детской непосредственностью признался Баоба́б.
- То-то и видно! – грозно сдвинул брови главный лесничий. – И не темни!
- Я говорю, мужик... Только...
- А ну, тащи наверх чемодан! – приказал Струмили́н, чуя что-то недоброе.

Бомж сумел лишь немного приподнять чемодан. Струмили́ну пришлось спуститься в ров и вместе с бродягой вытащить груз наверх.

Баоба́б трясу́щимися то ли с перепое́ю, то ли с испугу руками отстегнул ремни, щелкнул замками и откинул крышку.

В чемодане находилось тело мужчины. Без головы...

Забалуев тихо охнул и стал валиться на спину. Струмили́н едва успел подхватить его. Глаза у Ивана Ивановича закатились, губы задергались, на побледневшем лбу выступила испарина. Генрих Петрович оттащил его в сторонку, пристроил к стволу дерева и похлопал по щекам. Забалуев еще не вполне осмысленно посмотрел на Струмили́на и прошептал:

– Мать честная...

– Ничего, ничего, – успокаивал его главный лесничий, сам еще не пришедший в себя от потрясения. – Вздохните поглубже, сейчас пройдет.

Превозмогая страх и отвращение, Генрих Петрович вернулся к страшной находке, возле которой безучастно стоял бомж, и присмотрелся к труп. Убитый был крупным мужчиной. Синий в полоску костюм, белая сорочка, модные штиблеты и сиреневый галстук. На рубашке виднелось несколько пятен крови. Тело было упаковано в большой целлофановый мешок на молнии. В таких сохраняют верхнюю одежду от пыли и моли.

– Иван Иванович, – обратился Струмили́н к вроде бы оклемавшемуся Забалуеву, – надо срочно звонить в милицию. Сможете? А я покараулю.

– Конечно, конечно, – откликнулся тот, отпуская дерево.

– Вот, от моего кабинета, – протянул ключ главный лесничий.

– Не надо. – Забалуев не то что приблизиться, даже смотреть в сторону чемодана боялся. – У меня в машине есть телефон.

Все еще пошатываясь, он зашагал в сторону конторы.

Минут через двадцать на поляну прибыла следственно-оперативная группа: следователь по особо важным делам прокуратуры области Инга Казимировна Гранская, оперуполномоченные областного уголовного розыска капитан Жур и лейтенант Акатов. С ними приехал судебно-медицинский эксперт Янюшкин. Скоро пожаловали и высокие чины – облпрокурор Захар Петрович Измайлов и начальник УВД области генерал Рунов. Их присутствие было, видимо, результатом личного звонка Забалуева.

Понятыми пригласили двух лесничих.

Труп сфотографировали, после чего Гранская и Янюшкин приступили к осмотру.

Убитый был выше среднего роста, лет пятидесяти – шестидесяти. Следов борьбы на теле обнаружено не было. Судя по потекам крови, во время отсечения головы потерпевший лежал на спине.

– Когда наступила смерть? – спросила следователь, писавшая протокол осмотра.

– Труп остыл, – сказал Янюшкин. – Но окоченение не исчезло. Обычно оно начинается через два-три часа после смерти и сохраняется до трех-четырех суток. По предварительному заключению, смерть наступила более двух суток тому назад. Заметьте, трупные пятна ярко выражены. Значит, смерть наступила внезапно.

– Естественно, – пожала плечами Гранская. – Не руку отсекли.

– Дело в том, Инга Казимировна, имеется нюанс: потерпевшего отравили или он сам принял яд.

– Яд?! – оторвалась от протокола следователь.

– Видите, какой цвет у крови? – сказал судмедэксперт. – Вишневый... Это бывает при отравлении синильной кислотой и ее солями.

– Так что же, голову отрубили уже у мертвого?

– Определенно высказаться затрудняюсь. Окончательный вывод можно будет сделать после лабораторных анализов.

– Орудие, которым отсекли голову?

– Рубящее...

– Что это могло быть, по вашему мнению? – уточнила Гранская.

– Тесак, топор... Словом, тяжелое. И довольно острое, – ответил медик и продолжал диктовать: – По состоянию краев раны удар был нанесен не один. Сколько раз ударили – уточню при более тщательном обследовании.

Были зафиксированы особые приметы убитого: родинки, шрамы, татуировка на левом плече. Текст выколот на немецком языке. Готический шрифт...

– Свобода и любовь, – перевела вслух Инга Казимировна, неожиданно вспомнив школьные уроки немецкого, казалось бы давно и напрочь забытые.

Другая наколка в виде маленького якоря была на правой руке чуть ниже запястья.

Следователь попросила сфотографировать наколки крупным планом.

Осмотрели одежду. Сплошной импорт: костюм финский, рубашка пакистанская, галстук французский, штиблеты западногерманские. Ни в карманах брюк, ни в пиджаке ничего не нашли. Даже клочка бумажки...

А в это время в сторонке капитан Жур допрашивал Баобаба, а лейтенант Акатов – Струмилина, который, впрочем, ничего не мог добавить к тому, что опера уже знали из сообщения председателя облисполкома.

Виктор Павлович Жур пристроился на пенке, а бомж сидел прямо на траве, обхватив руками свои тощие колени. Назвался он Молотковым Юрием Антоновичем.

– Это точно твоя фамилия? – переспросил оперуполномоченный, потому что бомж сказал, что никаких документов не имеет.

– Так было по паспорту, – ответил бродяга. – А вообще-то наша настоящая фамилия Молотовы. Молотковы – с деда пошло.

– А почему? – поинтересовался капитан, прерывая запись протокола допроса.

– Председатель сельсовета окрестил... В то время колхозникам паспорта иметь не полагалось. Главный личный документ – справка сельсовета. А в сельсовете ни за что не хотели ставить подлинную фамилию деда. Чтобы не поминать всуе имя тогдашнего председателя Совнаркома Вячеслава Михайловича Молотова. Дед сначала протестовал, да что толку. Потом привык.

– Ладно, Молотков так Молотков, – сказал Жур. – Давай, Юрий Антонович, ближе к делу.

– Какому? – вскинул на него кроличьи глаза Баобаб.

– Известно какому: кто убитый? с какой целью? где голова?

– А я почему знаю, – равнодушно ответил Молотков, облизнув пересохшие губы и сглотнув. – Это... сейчас бы водички...

– Где ж я возьму воды, – сказал капитан и подумал: придурка разыгрывает или время тянет, чтобы соучастники успели замести следы?

– Тут недалеко родник...

– Потерпи... Ну а как у тебя очутился чемодан, тоже запомнил?

– Зачем же, – обиделся бомж. – В своем пока уме... Значит, утром трясет меня Морж...

– Какой такой Морж? – вскинулся капитан.

– Кореш... Вместе кантуемся.

– Фамилия, имя, отчество?

– Не знаю. – Молотков, поймав на себе суровый взгляд Жура, прижал пятерню к левой стороне груди. – Поверьте, гражданин начальник, не вру. Сколько знакомы – Морж и Морж...

– Кликуха, значит? – уточнил оперуполномоченный.

– А он и впрямь запросто в ледяной воде купается. Ну а тут, в Южноморске, даже зимой в одной рубашке ходит... Помните, в январе выпал снег, так Морж в море до самого буйка заплывал. На потеху отдыхающим. Те ему денег накидали целый ворох.

– Хорошо, – остановил Молоткова Жур. – Рассказывай по делу.

– Значит, Морж будит меня и спрашивает, откуда, мол, я приволок чемодан. А я спросонья ни черта не разберу. Понимаете, гражданин капитан, дом снился. – Молотков вздохнул. – Прежняя человеческая жизнь. Да так сладко, что просыпаться не хотелось... Морж как хрястнет по спине, я прямо подскочил. Какой, кричу, еще чемодан? Ты спятил, что ли? Я уж и забыл, когда держал их в руках. – Он грустно улыбнулся. – Все мое, как говорится, ношу с собой...

Жур оглядел жалкую одежку Баобаба, покачал головой – стопроцентный бродяга. А тот продолжал:

– Значит, Морж схватил меня за шиворот и выволок из нашей берлоги. Очухался я, гляжу, и впрямь чемодан лежит. С колесиками... Сроду таких больших не видел... Твоя, спрашивает, работа?... В каком, интересуюсь, смысле?... Морж разозлился. Что, говорит, подарок от Деда Мороза?... Я поклялся, что впервые вижу этот чемодан... Морж попытался его поднять. Тяжелый, гад. Да, говорит, тебе слабо его утащить... Решили посмотреть, что внутри... Открыли... – Молотков надолго замолчал.

– Что дальше?

– Моржа стошнило... Закрой, кричит... Я закрыл. Закупорил... Кстати, не найдется?..

Виктор Павлович вынул пачку дефицитной «Примы», полученную по талону, выбил щелчком сигарету. Бродяга взял ее грязными пальцами, сунул в рот, прикурил.

– Морж достал пузырь, налил стопарик. Это его утренний кофе. – Молотков осклабился. – Без него печень, говорит, не включается... Налил и мне. Кто откажется? Тем более после такого стресса... Закусили арбузом. Между прочим, закусон что надо... Сидим маракуюем, кто нам жмурика этого подкинул. Может, академики?

– Уголовники? – уточнил капитан, выказывая знание блатного жаргона. – И часто они появляются в заказнике?

– Часто ли, не знаю. А второго дня фаловали¹ нас с Моржом на мокруху... Обещали мешок башлей.

– Кто предлагал? – опять вострепнулся капитан.

– Хмырь один. Незнакомый...

– Описать его можешь?

Молотков на минуту задумался и сказал:

– Такой чистенький, в кожаном пиджачке, в темных очках... Культурный... Мы его тоже отпили очень даже вежливо...

– Может, труп в чемодане – его рук дело?

– Может, – простодушно ответил Юрий Антонович. – И у Моржа была такая мысль. Гробанули мужика и подсунули, чтоб навести на нас тень.

– Ладно, о том мужчине, который подбивал вас на убийство, мы еще поговорим. Продолжай.

¹ Фаловать – уговаривать, подбивать (жарг.).

– Короче, я предложил оттаранить чемодан в милицию. Морж говорит, с ума сошел! Заметут!.. За что, спрашиваю?.. За убийство, говорит... Так мы ж, говорю, не убивали, разберутся... Ну, тогда посадят по сто девяносто восьмой... Ведь верно, арестовали бы?

– И что надумали? – проигнорировал вопрос бомжа Виктор Павлович.

– В море бросить, и дело с концами... Естественно, ночью. Чтоб никто не видел. А пока решили спрятать... Вот я и притащил чемодан сюда, в ров...

У капитана было что поспрашивать у бродяги, но тут подошла Гранская. Жур ознакомил ее с протоколом допроса, высказал кое-какие соображения.

– Где ваш приятель Морж? – спросила Молоткова следователь.

– Там... – показал куда-то вверх по склону Баобаба. – Добывает, наверное, бутылку.

– Будем делать у вас обыск, – сказала Гранская.

– Как хотите, – без всяких эмоций произнес бродяга. – Это рядом.

Инга Казимировна подошла к машине облпрокурора. Измайлов звонил по радиотелефону на службу. Следователь на капоте «Волги» заполнила бланк постановления.

– Впервые даю санкцию на обыск жилища без адреса, – усмехнулся Захар Петрович.

– Обыскивать жилье без адреса – еще куда ни шло, – улыбнулась Гранская. – А вот как выносить постановление на задержание человека без фамилии...

– Верно, – согласился облпрокурор. – Что ж, узнаем у самого Моржа. На месте и вынесете постановление.

– Пойдете с нами?

– Непременно.

Прибыла машина из морга. Гранская дала разрешение увезти труп.

До обиталища бродяг добираться было нелегко – все время в гору. Через некоторое время Молотков попросил задержаться у родника и надолго принял к чаше, выдолбленной водой в камне. После чего двинулись дальше. И когда уже у всех возникло желание снова передохнуть, Баобаба неожиданно произнес:

– Вот и пришли...

Измайлов, Гранская, Жур, Акатов и понятые недоуменно огляделись: никакого намека на жилье. Крошечный уступ, два пышных кизильовых куста, усыпанные темно-красными ягодами. А дальше – снова подъем...

– Морж! – позвал Молотков, раздвигая кусты. – Встречай гостей...

Но никто не отозвался. Баобаба опять окликнул приятеля. Тот же результат...

– Дрыхнет, что ли, без задних ног? – пробормотал Молотков, собираясь нырнуть в кусты.

– Погодите! – остановила его Гранская и сказала операм: – Посмотрите, что там за апартаменты.

Капитан, а за ним лейтенант исчезли за завесой ветвей. Минуты через две раздался голос Жура:

– Давайте сюда, Инга Казимировна...

Гранская сделала знак Молоткову и понятым и двинулась с ними на зов Виктора Павловича.

За кустами в скале зияла дыра. Пролезть в нее можно было только пригнувшись.

– Двенадцать лет работаю в заказнике, – заметил один из понятых, – и не знал про эту берлогу...

Пещера была крошечная и всех вместить не могла. Акатову пришлось вылезти наружу.

Гранская чуть не задохнулась, оказавшись в «апартаментах» бомжей. В нос шибанул запах грязной ветоши, нечистого человеческого тела и алкоголя. На земле валялось тряпье, служащее, вероятно, постелью, лежала куча прелого сена. На остром каменном выступе прилепился небольшой огарок свечи. В углу – помятый чайник, закопченная сковородка, в которой лежали ржавый кухонный тесак с бурыми пятнами крови и две общепитовские алюминиевые

вилки. Здесь же были остатки пиршества: недоеденный арбуз, початая бутылка «Пшеничной», еще три целые, два граненых стакана. Несколько пустых бутылок валялось на полу.

Моржа не было.

Молотков как замороженный потянулся к спиртному, но Жур попридержал его руку:

– Придется попоститься.

Баобаб грустно заморгал белесыми ресницами.

– Где же ваш приятель? – спросила у него следователь. – Испугался небось и сбежал?

– А чего ему бояться, – ответил бомж, не в силах оторвать глаз от вожделенной бутылки.

– Послушайте, Юрий Антонович, – продолжала Гранская, – а вы убеждены, что он не имеет отношения к убийству?

– Морж? – вытаращился на следователя Молотков. – Да вы что?.. Никогда не поверю... Такой интеллигентный человек...

– Так где же он?

– Понятия не имею, – растерянно огляделся Молотков и высказал предположение: – Может, подался за грибами? Уже два дня мечтает побаловаться жареными шампиньонами... – Он подумал и добавил: – Или пошел на базар... Впрочем, и в порт мог. Сами знаете, сколько судов стоит с товарами из-за границы. По радио даже зазывали грузчиков.

Обыск занял буквально минут пятнадцать. Единственное, что удалось обнаружить, – ящичек с набором цветных фломастеров.

– Это чье? – была несколько удивлена Гранская такой находке.

– Мое, – скромно отозвался Баобаб. – Я же художник...

– А где ваши работы?

– Были, да сплыли, – развел руками Молотков.

Оформили протокол обыска и изъятие тесака. По словам Баобаба, Морж им разделявал тушки диких голубей, которых жарил на костре.

Осмотр прилегающей местности ничего подозрительного не выявил.

Лейтенант Акатов остался возле пещеры, на случай если вдруг появится Морж. Остальные спустились к месту происшествия. На смену Акатову были посланы двое работников угрозыска – ждать возвращения молотковского друга.

Глава 2

По личному опыту Гранская знала: при расследовании убийства дороги иной раз не то что дни, а часы и даже минуты. Упустишь в самом начале время, это обернется месяцами, а то и годами мучительной работы, поисков, которые вообще могут кончиться ничем. И тогда повиснет на следователе «глухарь», им будут корить на всех совещаниях. Пословица «Поспешай медленно» применима лишь при раскрытии хозяйственных преступлений. Это там требуется длительный срок, чтобы перелопатить неимоверное количество документов, разобраться в сложной механике производства, поставок, сбыта и других вещах, что запутаны при нашей системе до крайности, порой до абсурда.

Так что когда Инга Казимировна вернулась из «Ущелья туров» в облпрокуратуру, ни одной свободной минуты у нее не было. Сделала по телефону несколько срочных запросов, вынесла постановления на проведение экспертиз. Все надо было успеть до вскрытия трупа, которое назначили на 14.30. Следователь сформировала вопросы судебно-медицинскому эксперту. Причина смерти? Какой яд имелся в крови и его количество? Кровь в целлофановом мешке принадлежит обезглавленному мужчине или кому-нибудь другому?

Ну и один из самых главных – время смерти. Для ответа нужно было исследовать содержимое желудка трупа. Чтобы по степени перевариваемости пищи определить, когда человек умер... Короче, требовалась комплексная экспертиза.

Второе постановление касалось исследования десятка полтора волосков, обнаруженных на одежде потерпевшего и внутренних стенках мешка и чемодана. Волоски были около двух сантиметров длиной и имели различную окраску: белый, желтый, черный, коричневый. Вставал вопрос – кому они принадлежали.

Третье постановление – исследование изъятого в пещере тесака: чья на нем кровь – птицы или человека...

От пишущей машинки Гранскую то и дело отрывали телефонные звонки: отвечали на ее запросы, да и Жур держал постоянно в курсе поисков Моржа.

Когда Инга Казимировна допечатывала последние строки, в кабинет зашел Измайлов. Случай редкий – как правило, областной прокурор приглашал Гранскую к себе.

– Зря вы жаловались, Инга Казимировна, – начал Захар Петрович, усаживаясь на стул.

– На что? – удивилась следователь.

– Ну, якобы приходится учиться заново... Наблюдал я за вами сегодня – та же хватка. Словом, Гранская, которую я знал прежде...

– Ну, не очень-то я плакалась вам в жилетку, – улыбнулась Инга Казимировна, однако же довольная похвалой начальника.

С Измайловым они были знакомы давно. Еще по работе в Зорянске, где Захар Петрович возглавлял городскую прокуратуру, а она была следователем. Связывала их там не только дружба, они были единомышленниками. А уж расстались и вовсе друзьями. Захар Петрович был, пожалуй, единственным человеком в горпрокуратуре, посвященным в личные дела Инги. Тогда, в Зорянске, в нее, тридцатисемилетнюю женщину, уже поставившую крест на повторном замужестве (с первым супругом расстались давным-давно), влюбился Кирилл Демьянович Шебеко, профессор МГУ. Он тоже ее очаровал. Блестящий ученый, сумевший сохранить в пятьдесят с лишним лет молодость и непосредственность, чистую совесть и душу!.. Шебеко с ходу предложил переехать к нему в Москву. Женой... К такому лихому повороту она не была готова. Колебалась. Одним из тех, кто подстегнул Гранскую к перемене, был Захар Петрович.

В Москве Шебеко запретил «молодой» работать, а тем паче следователем. Но она не выдержала дома и пошла юрисконсультантом на завод.

Четыре года счастья – и горестный финал. Кирилл Демьянович скончался от сердечного приступа. И снова одиночество, совсем невыносимое, потому что во второй раз. Теперь уже без всякой надежды...

Сын Юрий, через которого она, собственно, и познакомилась с Шебеко (Юрий был его студентом), женился, уехал в Свердловск. Звал с собой мать, но Гранская отказалась: с невесткой отношения не заладились с самого первого дня.

С Измайловым они встретились в Москве совершенно случайно. В аптеке на улице 25 Октября, куда в последнем отчаянии стремятся москвичи и приезжие, но, как правило, нужного лекарства не находят. Разговорились. Оказывается, Инга Казимировна абсолютно ничего не знала о том, как два года назад южноморская мафия добилась снятия Измайлова с должности облпрокурора, как больше года Захар Петрович работал рядовым шофером такси и как только теперь было восстановлено его доброе имя и возвращена прежняя должность.

Впрочем, во время этой неожиданной, но приятной встречи Захару Петровичу не очень хотелось беречь свои раны, и он старался больше говорить о жизни Инги Казимировны. Слушая ее исповедь, Захар Петрович сразу понял: столица гнетет Ингу Казимировну. Друзей она так и не приобрела, город остался чужим.

– Перебирайтесь в Южноморск, – предложил Измайлов. – Мне вот так нужны следователи.

– Неужели? – удивилась Инга Казимировна. – В вашем-то раю не хватает следователей?

– Представьте себе. Уходят пачками в кооперативы. И самые квалифицированные.

Измайлов посулил надбавку к зарплате, скорое повышение. Гранская обещала подумать. При этом больше всего она опасалась, что потеряла квалификацию. Но подвернулся удачный квартирный обмен, и она решилась...

Сегодняшнее дело – ее первое в Южноморске, связанное с убийством.

– Только что звонил Забалуев, – продолжал Захар Петрович. – И знаете, какой задал вопросик?.. Пойман ли убийца? Представляете!..

– Что, это интересует его как свидетеля?

– В том-то и дело, что нет. Интересовался как председатель временного комитета по борьбе с преступностью, – возмутился Измайлов. – Ратуем за правовое государство, кричим о том, чтобы прокуратура и суд стали наконец подлинно независимыми, а в сущности, еще больше закабаляем... Получилось, я, облпрокурор, должен был отчитываться перед председателем облисполкома. И только потому, что комитет возглавляет он!

– Ладно, не переживайте, – улыбнулась Гранская. – Комитет-то временный. А я вот хотела посоветоваться с вами. Ведь наверняка имеете хоть одну версию насчет этого. – Она положила руку на папку с делом.

– Почему одну? – улыбнулся прокурор. – Есть несколько... Начнем с личности Молоткова. Кстати, как он вам показался?

– Впечатление противоречивое. С одной стороны – интеллигент, словечки-то какие: «стресс», «все свое ношу с собой»... А с другой – блатной жаргон, судимость.

– Вот вам и первая версия. Он и его друг причастны к убийству. Впрочем, и своего приятеля Молотков мог выдумать...

– Нет, не выдумал. Звонил капитан Жур. Моржа действительно в городе многие знают. Жур тоже вспомнил. Фигура примечательная. Круглый год в одной рубашке и купается зимой... Ошивается на базаре, в порту. Но в уголовных грешках до этого не был замечен.

– Ладно, – согласился Измайлов. – Теперь подумаем о мотивах убийства? Вспомните, во что одет убитый, какой шикарный чемодан... Возможно, его...

– Да, все иностранное, – подтвердила следователь многозначительно.

– Да-да, – понял ее Измайлов, – я не исключаю, что убит иностранец. Наколка эта на немецком языке... Короче, с целью ограбления...

– Допустим, убили и ограбили, – сказала Гранская. – Но зачем отрубать голову?

– Чтобы труднее было опознать.

– А не проще – камень на шею и в море?

– Согласен, отсеченная голова может означать и что-то другое: месть или устранение конкурента. Сейчас, с появлением организованной преступности, банд, рэкета, такие случаи перестали быть уникальными. Мало того что убили, так еще изуродовали труп. Подобное в нравах итальянских мафиози... А чемодан действительно подбросили бродягам. Мол, те способны на все. И следствие легко клюнет... – Измайлов вдруг прервал свои рассуждения. – Вы что, Инга Казимировна, имеете другие соображения?

– Простите, Захар Петрович, – постучала она по наручным часам. – Вскрытие у меня. – Гранская тяжело вздохнула. – Вот от чего отвыкла. Впрочем, так и не могла привыкнуть... После этого бессонные ночи, кошмары...

– Вы никогда мне об этом не говорили, – несколько удивился Захар Петрович. – И кстати, вас никто не обязывает присутствовать.

– Конечно. По закону, вот по профессиональному долгу... Вдруг во время вскрытия откроются обстоятельства, требующие новых вопросов к судмедэксперту. Лучше сразу, по ходу дела...

Они поднялись. И уже в дверях Гранская сказала:

– А насчет моих версий – изложу их, когда в голове кое-что уляжется. Да и, надеюсь, вот-вот подойдут свеженькие факты...

Глава 3

Перефразируя известную поговорку, можно сказать: опера ноги кормят. Виктор Павлович Жур отлично это знал по себе. Самая «ножная» работа – как сегодня, когда идешь по горячим следам.

Прямо из «Ущелья туров» капитан направился на Центральный рынок, снискавший в Южноморске славу не меньшую, чем знаменитый на всю страну Рижский в Москве. Южноморцы окрестили свой «фарцплац». И неспроста. Рядом с колхозным рынком разросся ларечный городок, торгующий кооперативными изделиями, на задворках которого вам предлагали из-под полы товары со всего света. Гонконгское видео и магнитофонные кассеты, японские презервативы, голландские бритвенные лезвия, чехословацкие и китайские сорочки, итальянские колготки, американскую жевательную резинку, косметику неизвестного происхождения, но неизменно выдаваемую за французскую, сигареты всевозможных марок и прочую фарцу, вымененную или купленную у иностранцев. Время от времени на фарцовщиков устраивали облаву. Они на несколько дней затаивались, однако вскоре подпольная ярмарка опять набирала силу. «Фарцплац» был притчей во языцех на многих совещаниях в УВД. Однако борьба с ним – сизифов труд, приносящий ноль результатов ввиду крепчающего дефицита всюду и во всем.

Особенно удручающе действовало на Жура то, что «фарцплац» особенно оживился после трагического землетрясения в Армении. Стали задерживать спекулянтов с вещами, отправленными из-за границы в помощь пострадавшим. На иных вещах даже не были спороты нашивки – «Детям Армении»...

У Виктора Павловича не укладывалось в голове: как можно наживаться на горе и гибели тысяч людей?!

Ларечный городок бурлил сейчас не так сильно, как в курортный сезон, но все же толпы местных и приезжих заполняли асфальтированную площадку, на которой разместилось несколько десятков магазинчиков, забитых штанами, куртками, плащами, сапожками и штиблетами «под Запад». Здесь же бойко торговали чебуреками и шашлыками. Над всем этим торжищем стоял густой рев рок-музыки. Майкла Джексона сменял Пресняков-младший, а того – «Машина времени» и Алла Пугачева.

Жур потолкался среди покупателей и просто зевак, изумленных изобилием и еще больше ценами, постоял у картин модернистского и почти порнографического толка, но человека в шортах, описанного Молотковым, не встретил. Будь он здесь, наметанный глаз капитана обязательно зацепил бы Моржа.

После бесплодного фланирования Виктор Павлович нырнул в отделение милиции, расположенное рядом с рынком, связался по телефону с начальником областного угрозыска. К тому сходились сведения о поисках приятеля Баобаба. Была задействована, можно сказать, вся милиция города и области. Особое внимание уделялось речному, автобусному и железнодорожному вокзалам, аэропорту. Как говорится, мышь не проشمыгнула бы. Но, похоже, Морж сматываться из Южноморска пока не собирался и никаким транспортом еще не пользовался. Значит – в городе. А вот где именно... Может быть, не на самом базаре, а где-нибудь рядом? Замначальника отдела угрозыска посоветовал поговорить с постовыми. Капитан снова окунулся в людской водоворот «фарцплаца».

Двух постовых (теперь не разрешалось ходить поодиночке) Жур увидел возле торговых снedy. Сержант и старшина аппетитно уписывали чебуреки. У каждого на правой руке висела резиновая дубинка. «Демократизатор», как окрестил их скорый на язвительный суд народ. Виктор Павлович подождал, пока постовые поедят, и только тогда подошел к ним. Со старшей они были знакомы.

– Нужно поговорить, – негромко сказал Жур.

Старшина, узнав оперуполномоченного, потянул руку с «демократизатором» к козырьку.
– Здравия же...

– Отставить, – еще тише произнес Виктор Павлович. – Отойдем.

Втроем они нашли укромный уголок. Капитан поинтересовался, известен ли постовым описанный Молотковым гражданин. Выяснилось, что да. Старшина подтвердил: Морж часто бывает на «фарцплаце». Но сегодня, кажется, не появлялся.

– А может, он «У Дуни»? Гадает, – высказал предположение сержант.

«У Дуни» – так назывался уютный сквер неподалеку. С раскидистыми старыми каштанами. Когда-то там стояла размноженная по стране тысячами копий статуя пресловутой девицы с веслом, с чьей-то легкой руки окрещенная Дуней. Шедевр безымянного ваятеля давно убрали, а название осталось.

– Гадает? – переспросил капитан. – В каком смысле?

– По руке, – объяснил старшина. – Любую цыганку за пояс заткнет. Все скажет: про хвори ваши, про прошлое и про будущее... Точно, товарищ капитан, попробуйте посмотреть Моржа в сквере, у детской площадки.

Детская площадка была пуста. Сказочные персонажи, сработанные из дерева, дожидались детворы. Рядом стояли столы для любителей домино и шахмат. Игроки собирались обычно под вечер. Лишь один старичок в теплой безрукавке и помятой фетровой шляпе тоскливо поджидал напарника, положив сухие руки на облезлую шахматную коробку-доску. Сразу видно – завсегдатай. К нему и подрулил капитан.

– Сразимся, – обрадовался старичок, тряхнув фанерной коробкой, в которой прогремели фигуры.

– Ой, проиграете, папаша! – весело сказал Жур.

– А это еще бабка надвое сказала, – ответил местный Каспаров, в мгновение ока выстроив на доске шахматные ряды.

По жребию ему выпали белые. Виктор Павлович имел первый разряд, но весьма искусно позволил старичку овладеть инициативой. Тот заметно повеселел и охотно отвечал на вопросы. По мере того как черные шли к неминуемому краху, капитан все больше узнавал о гадателе, который довольно часто появлялся в сквере, чтобы стрелкнуть несколько трешек у желающих узнать свою судьбу. Морж заканчивал свои «сеансы», когда набирал на две бутылки водки.

– Выходит, алкаш? – как бы вскользь поинтересовался Жур, подготавливая катастрофу своему королю.

– По-черному пьет, – ответил «гроссмейстер», предвкушая скорый триумф белых. – Но какого лешего с ним якшается Руслан Яковлевич, ума не приложу... Только свое достоинство теряет, честное слово!

– Вы имеете в виду?... – весь напрягся капитан, сделав, однако, вид, что весьма озабочен следующим ходом.

– Вот именно, товарища Бабухина, – ответил старичок, потирая руки перед окончательным ударом. – Руслан Яковлевич – человек! Помог мне, как никто... Я три года обивал пороги, куда только не стучался, но кому дело до старика?

– А что у вас приключилось?

– Крыша текла, рамы сыпались, полы разошлись. А мне знай твердят: дом предназначен на снос, скоро получите новую квартиру. Знаю я это «скоро», пятнадцать лет обещают... Нашлись добрые люди, посоветовали записаться на прием к товарищу Бабухину. Он-де никому не отказывает. И вправду, такую бумагу жажнул в РЭУ, что тут же пришли ремонтники... Вам мат, дорогой товарищ! – радостно произнес старичок.

– Увы, – делано огорченно сказал Жур. – Старая гвардия, она...

– Есть еще порох в пороховницах, – довольно засмеялся победитель и добавил: – Так что, если какая нужда, прямо идите к Руслану Яковлевичу... Как насчет второй партийки?

За второй партией Виктор Павлович узнал, что всеильный Бабухин является помощником народного депутата СССР Михаила Петровича Гаврыся.

Время было на вес золота. Разгромив во второй партии обескураженного соперника за две минуты, капитан покинул сквер.

Глава 4

Денис Акатов битый час сидел на телефоне, обзванивая гостиницы, дома отдыха, пансионаты и санатории. Задание лейтенанту – узнать, не пропал ли кто-нибудь из приезжих. И, когда казалось, что затея ничего не даст, в санатории, принадлежащем крупному комбинату, ответили: два дня не появляется один из отдыхающих, некто Львов.

Прихватив несколько фотографий, сделанных на месте происшествия, оперуполномоченный помчался в санаторий. Исчезнувший был инженером, пятидесяти двух лет от роду. Занимал отдельную комнату. Позавчера пополдничал, подался в город и с тех пор не появлялся.

Акатов озадачился, что предъявить работникам санатория для идентификации убитого. самого главного – снимка лица – не имелось.

Спасительная мысль пришла лейтенанту, когда он узнал, что в санатории имеется водолечебница. Может быть, ее медперсонал узнает потерпевшего по наколке – они ведь видят отдыхающих голыми.

Целебные ванны находились в отдельном домике, куда и направился Акатов. Врач, милостивая женщина лет сорока, достала свой грессбук.

– Точно, Львов принимает у нас процедуры, – сказала она, сверившись с записями в журнале, и нахмурилась. – Два раза уже пропустил.

– Скажите, а вы лично присутствуете, когда отдыхающие принимают ванну? – поинтересовался оперуполномоченный.

– Бывает, – кивнула врач. – Если Валечки нет...

– А кто такая Валечка?

– Сестричка наша. Да вот и она сама...

К ним подошла симпатичная девушка в белом халатике, облегающем стройную фигурку, и вопросительно посмотрела на незнакомого мужчину.

– Товарищ из милиции, – пояснила се начальница. – Интересуется Львовым. Ну, тем инженером...

– А при чем здесь я? – удивилась девушка.

– Понимаете, дорогие женщины, – проговорил лейтенант, не зная, как начать свое непростое дело. – Надо опознать мужчину... По телу... – Он замялся. – Зрелище неприятное, но вы уж постарайтесь...

Акатов положил на столик снимки. Врач, глянув на них, побледнела, закрыла лицо руками и мелко затряслась.

– Вера Илларионовна! – кинулась к ней Валечка. – Вера Илларионовна, успокойтесь! – Девушка обняла ее и зашипела на Акатова: – Уберите! Сейчас же уберите!

Тот сгреб фотографии, сунул в карман и растерянно стоял, переминаясь с ноги на ногу.

Вера Илларионовна разрыдалась. Валечка поспешно накапала ей что-то в мензурку, заставила выпить.

Акатов вышел во двор, проклиная себя и свою миссию. Минуты через три вышла медсестра.

– Какие вы все-таки бесчувственные! – укоризненно проговорила она.

– Простите, но... – виновато начал оправдываться лейтенант.

– У человека такое горе, – продолжала девушка, – у нее сын пропал без вести в Афганистане... Вы разве не читали, что вытворяли душманы с нашими ребятами?

– Ну не знал я, простите! – взмолился Акатов.

– Ладно, – вздохнула Валечка. Она помолчала, подумала и не очень решительно сказала: – Дайте еще раз взглянуть...

Лейтенант достал страшные снимки, девушка взяла их, словно мину замедленного действия.

– Наколки, – показал на фото Акатов и спросил: – У Львова таких не было?

– Не помню, – ответила медсестра и вернула фотографии Акатову.

– Но какие-нибудь приметы на теле? – продолжал расспрашивать он. – Шрамы, физические недостатки?

– Так ведь Львов хромает, – вспомнила девушка. – У него одна нога короче другой. И плохо сгибается.

– Это точно?

– Ну да! – подтвердила медсестра. – Ему всегда было трудно забираться в ванну.

– Какая нога короче?

Валечка на мгновение задумалась.

– Кажется, левая, – произнесла она неуверенно. И добавила: – Да-да, левая...

– Телефон у вас есть? – спросил лейтенант.

– Откуда... Впрочем, если очень нужно, пойдемте...

Ближайший телефон находился в другом корпусе. Лейтенант разыскал Гранскую. Она была в морге, на вскрытии.

– Инга Казимировна, у потерпевшего с ногами все в порядке? – задал вопрос Акатов. И рассказал, чем вызвано его любопытство.

– Нет, у потерпевшего хромоты не было, – разочаровала лейтенанта Гранская. И, чтобы подбодрить, добавила:

– Вы правильно делаете, что держите меня в курсе.

Когда Акатов прощался с девушкой, она смущенно сказала:

– Я давеча накричала на вас...

– Хорошо, что еще не ударили, – улыбнулся он.

– Я?! – ужаснулась Валечка. – Плохо вы меня знаете...

– К сожалению... – вздохнул Денис.

Она еще больше смутилась и побежала к водолечебнице. Акатов проводил ее долгим взглядом и направился к выходу. Предстояло посетить два кемпинга, где останавливались иностранные автотуристы. Надо было проверить, не пропал ли кто из зарубежных гостей...

В автобусе Акатов все время возвращался мыслями к медсестричке. Досадовал, что не узнал ее фамилию, не познакомился ближе. Впрочем, это было не к месту...

Денису шел двадцать пятый год. До сих пор ему казалось, что в Южноморске он случайно, проездом, хотя жил здесь уже восемь месяцев. Приехал сюда из Омска, где окончил Высшую школу милиции. До этого, собственно, Сибирь не покидал. Родился и вырос в селе, служил в армии на Дальнем Востоке. И вдруг совсем другие края, иная природа, непонятные для сибиряка нравы южан. Ощущение временности рождалось еще и потому, что определили Акатова в общежитие. В трехкомнатной квартире – трое офицеров милиции. Свою собственную обещали ему не раньше, чем года через три. Но коллеги советовали запастись терпением на более длительный срок. Кадровик в управлении в шутку предложил поискать невесту с жилплощадью. Однако сосед по квартире, младший лейтенант из научно-технического отдела, тоже приезжий, видать, воспринял совет кадровика на полном серьезе. Он был готов жениться «хоть на дурнушке, хоть на старушке», лишь бы у нее был свой домик. Говорил он только об этом. Акатова же от этих его разглагольствований корбило.

Но почему-то теперь, в автобусе, вспоминая раскосые светло-карие глаза Валечки, ее нежную длинную шею и легкую пружинистую девичью поступь, Денис поймал себя на мысли: есть ли у нее квартира? И устыдился – Южноморск засасывал его в свои меркантильные сети, расставленные в этом городе на каждом шагу.

– Бабухин? – переспросил у Жура Привалов, комендант жилищно-строительного кооператива, расположенного в самом центре города.

– Да, Руслан Яковлевич, – подтвердил капитан.

– Яковлевич, – усмехнулся комендант. – Теперь все его по отчеству...

Этому пожилому человеку было явно неприятно говорить о помощнике народного депутата СССР.

– Я ветеран войны и труда, – продолжал Привалов, – пятнадцать лет стоял в очереди, чтобы вступить в кооператив. А Бабухину в два счета дали квартиру в нашем доме. Пришел на все готовенькое. И, заметьте, один получил трехкомнатную... Мне пенсии не хватает, вынужден прирабатывать комендантом, а Руслан гребет деньги лопатой! Вы бы видели, каким он приехал! В застиранной гимнастерочке, даже бельишка на смену не было. Мы в Совете ветеранов устроили его в санаторий долечиваться на дополнительный срок, помогали деньгами. А как не помочь – афганец!..

– Был ранен?

– В ногу. На костылях появился, прямо из госпиталя. По направлению... Прислали на реабилитацию...

Жур и комендант сидели на скамейке возле двенадцатиэтажки, построенной недавно, но уже с изрядно обшарпанным подъездом.

– Как же он зацепился в Южноморске? – спросил Виктор Павлович.

– Очень просто. Городская комсомолка взяла шефство над воинами-интернационалистами. В школы их приглашали выступать, на заводы. Бабухина пару раз показывали по телевизору. Там он и познакомился с одной девицей, что свет наставляет. Женился...

– Понятно, – кивнул капитан.

– А как прописался, тут же и развелся, – снова усмехнулся комендант. – Конечно, для чего ему жена! Денег – полный карман. Выбирай любую.

– Откуда деньги? – поинтересовался капитан.

– Откуда, – протянул комендант. – Нынче их можно делать из воздуха... Я считаю, что кооперативы придумали для того, чтобы выкачивать из нас с вами гроши. Казна для них – дойная корова. Все скупают: ресурсы, материалы, товары. До чего мы дожили – зубную щетку невозможно купить! А почему? Эти деляги опустошают склады подчистую. Что такое зубная щетка? Пластмасса. Вот и делают из нее всякие там сережки, колечки, брошки да пуговицы, а простому народу зубы чистить нечем.

Комендант ЖСК стал поносить кооперативы почему зря, но Жур остановил поток гневных филиппик.

– Чем конкретно сейчас занимается Бабухин?

– Начинал как порядочный: помогли поступить на завод. Он сразу организовал городской Союз воинов-интернационалистов. Они помогали милиции наводить порядок в Южноморске. Оформили их как народных дружинников. В газетах о них писали. Мол, на улицах стало спокойней. Затем стали поступать сигналы: шалят афганцы. Там избили какого-то парня, там нашкодили. Пошли жалобы. Милиция сама не рада, что связалась с Бабухиным...

Жур вспомнил заметку об этом в областной молодежной газете. А Привалов продолжал:

– Короче, Руслан смотался из дружины, уволился с завода и организовал кооператив. Назвали «Флора»... Скупали фрукты, овощи и гнали на Север, в Сибирь. Самолеты нанимали. Там каждое яблочко стоит как золотое... Через год Бабухин уже на собственной «Волге» разъезжал. Тут – бац! – кооперативы прикрыли. Ну, которые перекупкой занимались. – Он замолчал.

– И что же Бабухин?

– Самое смешное, что Руслан первый стал хаять всяких спекулянтов да шашлычников. – Видя недоуменное лицо собеседника, Привалов закивал. – Да-да, так и обзывал их – крово-

сосы... И вдруг на предвыборном собрании мы узнаем: наш пострел – доверенное лицо Гаврыся. Каким макаром он к Мише прилепился, одному Богу известно...

Миша Гаврысь был гордостью южноморцев. Как Каспаров для бакинцев или знаменитый шестовик Бубка для жителей Донецка. Гаврысь играл за сборную баскетболистов страны. И если кто в Южноморске говорил просто Миша, каждый из местных знал: речь идет о прославленном земляке. Неудивительно, что на выборах в народные депутаты СССР Гаврысь легко победил своих соперников...

– Ну а нынче, – рассказывал комендант, – Бабухин задрал нос выше головы. Мише, как сами понимаете, депутатскими делами заниматься некогда – то сборы, то соревнования за рубежом. Вот Руслан и заправляет его делами. К министру попасть легче на прием, чем к Бабухину.

– Но говорят, он здорово помогает людям, – заметил капитан. – Кому с ремонтом жилья, кому с пенсией, детишек в сад пристраивает...

– Так от чьего имени требует – Гаврыся! Кто же откажет Мише!

– Бабухин у него в помощниках на общественных началах?

– Будет он бесплатно, как же! Получает у Миши сто пятьдесят рэ.

– Как он на такие деньги ухитряется шиковать? – удивился Жур.

– Основной доход Руслан имеет по другой линии. Когда прикрыли его «Флору», Бабухин создал хозрасчетный демонстрационный центр. Кино крутит, видео, женские моды показывает, картины художников... С иностранцами стакнулся. Дело, видать, поставлено на широкую ногу. По утрам за Русланом приезжает «чайка».

– «Чайка»? – не поверил капитан.

– А то! – хмыкнул Привалов. – Раньше на них возили министров и прочих шишек из Москвы, а вот теперь таких, как Бабухин... Выхожу сегодня утром, он садится в «чайку», прямо как член Политбюро. Не боится ни черта, ни ОБХСС. Ну и времечко, скажу я вам!.. Работящему человеку ни вздохнуть, ни охнуть, а они жируют. Вот сейчас мода ругать Сталина. Но разве он допустил бы такой бардак в стране?!

Попрощавшись с комендантом, Жур поспешил в демонстрационный центр, размышляя о личности его руководителя. Она совсем не вязалась с иконописным образом афганцев, кочующим по книгам и кинофильмам. Там – беззаветные герои, правдоискатели. А Бабухин?..

Люди – они везде разные, и ребята, прошедшие Афганистан, не исключение. Принято считать, что человек, побывавший в пекле этой войны, как бы очистился. У Виктора Павловича были большие сомнения на сей счет. Факты, которые в последнее время вскрывались на страницах газет и журналов, говорили об обратном: несправедная война не могла творить праведное. Она калечила, опустошала души. Конечно, были и сильные духом. Те закалялись, но их меньшинство. А вот слабые...

Размышлять на эту тему можно было сколько угодно. В данном случае капитана интересовало, что связывало преуспевающего бизнесмена Бабухина с Моржом, бродягой и алкоголиком. Жур намеревался выяснить это у самого помощника народного депутата СССР.

Демонстрационный центр под громким названием «Люкс-панорама» занимал недавно отремонтированное здание, построенное в тридцатых годах. Этот конструктивистский стиль вполне подходил для заведения Бабухина. Перед входом толпилась молодежь в предвкушении западных киноужасов, показываемых в одном из видеосалонов центра. Тут были и совсем дети. Причем немало.

Виктор Павлович прошел к директору. Табличка на дверях приемной говорила о том, что он – генеральный...

– Руслана Яковлевича сегодня не будет, – раздраженно сказала секретарша, уставшая, видимо, от вопросов, где шеф. – У него переговоры с иностранцами.

– И давно? – спросил капитан, показывая свое служебное удостоверение.

– Прямо из аэропорта поехал в гостиницу. Фирмачи прилетели московским, в половине первого... А, собственно, почему вас это интересует?

– Честно говоря, меня больше интересует один знакомый товарища Бабухина. Может, и вы его знаете?

И Жур описал Моржа.

– Так это Аркадий, – тут же выложила секретарша, когда Жур сообщил, что бомж круглосуточно ходит в шортах и сандалиях.

– Фамилия?

– Понятия не имею, – пожала плечами секретарша. – Да и появляется он у нас редко. Помоему, Руслану Яковлевичу его визиты сюда не очень... Сами понимаете, постоянно бывают представители из Москвы, иностранцы...

– Сегодня Аркадий не заходил?

– Нет.

– Что он за личность?

– Несчастный человек, – вздохнула секретарша. – Больной.

– В каком смысле?

– Выпивает. Я убеждена, это не порок, а болезнь... Ведь Аркадий был когда-то кинорежиссером. Попал в какую-то историю, словом, скатился...

– В какую историю?

– Я слышала краешком уха... А вообще, ничего не знаю о его жизни.

– Какие у них дела с Бабухиным?

– Дела? – удивилась секретарша. – Даже представить себе не могу! Мне кажется, Руслан Яковлевич просто хочет вытащить его из трясины. Он любит помогать. Причем особую слабость питает к творческим людям. Открывает неизвестных художников, покровительствует обиженным...

Оперуполномоченный поинтересовался, знает ли она друга Моржа, Молоткова. Секретарша сказала, что о таком и слыхом не слыхивала.

С тем Жур и покинул «Люкс-панораму».

Глава 5

Юлий Аронович Гальперин, главный товаровед южноморского горторга, на просьбу Гранской извинить ее за опоздание добродушно сказал:

– Пустяки, Инга Казимировна. Рад помочь прокуратуре...

– Так ведь задержала вас после работы.

– О чем вы говорите! Моя работа кончится, когда отнесут на кладбище...

Гальперин был пожилой, сухонький, с блестящими молодыми глазами. Следователь выложила на его стол из чемодана, в котором нашли труп, целлофановые пакеты с одеждой и обувью убитого.

– Юлий Аронович, нужно ваше квалифицированное заключение. Соответствуют ли эти вещи наклейкам и фирменным знакам?..

Она присовокупила к вещдокам постановление на проведение судебной экспертизы.

– Можно вопрос? – вытащил из пакета полуботинки Гальперин.

– Да, конечно.

– Что, накрыли подпольную фабрику?

– Нет, тут другое. Устанавливаем личность... – Гранская не сказала, что убитого. Это и так было ясно по бурым пятнам на одежде. – Понимаете, если вещи подлинные, то это поможет следствию сделать кое-какие выводы... А так как нынче многие кооператоры работают на фирму...

– Господи, – поморщился товаровед, – их лапу за версту видно. – Он повертел в руках туфлю. – Это «Саламандер»! Не подделаешь. Кожа, колодка, работа!..

– А костюм?

Гальперин посмотрел на ярлык, пришитый к внутреннему карману пиджака.

– «Тиклас», – прочел он и причмокнул языком. Финский. – Умеют шить! – Товаровед грустно улыбнулся. – По телевизору вчера один наш большой деятель, выступая в Хельсинки, говорил о дружбе великой державы с такой маленькой страной, как Финляндия... А я подумал: кто же великая держава, если не мы их, а они нас одевают, кормят наших младенцев, обставляют мебелью? И какой!..

– Еще попробуй достань.

– Теперь только за валюту. – Юлий Аронович погладил материал. – Несносимый.

– Синтетики много.

– Вспомните, какие у нас были раньше ткани! – закатил глаза Гальперин. – «Метро», «ударник», бостон... Чистая шерсть! Носишь костюм двадцать лет, а как будто вчера справил, а главное, такая ткань дышит... – Его чуткие пальцы прошлись по швам. – Вот это строчка! – Рука товароведа вдруг замерла на поле пиджака. – Что там за подкладкой? – вопросительно посмотрел он на следователя.

Инга Казимировна прощупала полу. Действительно, между подкладкой и материей что-то было. Она прошлась по карманам и вдруг обнаружила во внутреннем еще один, маленький кармашек, который оказался прохудившимся.

– Бритвочки нет? – спросила она у Гальперина.

Тот отыскал в своем столе лезвие от безопаски. С его помощью следователь подпорол подкладку.

На свет божий был извлечен билетик на проезд в городском транспорте Одессы.

– Важная находка? – не удержался от вопроса Юлий Аронович.

– Возможно, – озабоченно ответила Гранская.

Оформив находку протоколом, она попросила главного товароведа не тянуть с заключением. Гальперин обещал представить его завтра.

– Не понимаю, – сказал Виктор Павлович, – почему этими бедолагами должна заниматься милиция. Ведь сейчас многие склоняются к мнению, что алкоголизм – болезнь. Значит, это дело врачей.

– Возможно, ты прав, – после некоторого раздумья сказал майор. – Позавчера у нас случай был... Звонит участковый с Комсомольской улицы, приезжайте, мол, заберите из квартиры пьяного. Куролесит, распугал всех соседей... Приехали. Культурный гражданин, при галстукке. В доме следы попойки. Бутылки, закуска... Исцарапал наших ребят и себя... А что выяснилось? Он вызвал утром врачей-кооператоров, которые якобы снимают похмелье. Те вкололи ему целый букет препаратов, чтобы купировать запой, получили свои семьдесят рублей – и привет. А у него потом начался сильнейший алкогольный психоз. Вот и пришлось нам вызывать скорую, чтобы его отвезли в психушку. Впрочем, и без помощи этих горе-врачевателей у нас много таких, кто ловит в постели чертиков...

– Ну вот видите, выходит, и впрямь нужно передавать это дело врачам, – гнул свое Жур.

– Ой, справятся ли? – покачал головой Голубев. – В буйстве наши клиенты и топор могут схватить, утюг...

И вообще, посмотри на больницы, поликлиники. Полный развал...

Капитан посетил второй вытрезвитель. Та же безотрадная картина и нулевой результат: Моржа не было.

Денис Акатов вышел из здания железнодорожного вокзала. Стрелки на больших станционных часах приближались к одиннадцати. Жизнь одних из ворот Южноморска заметно поутихла. Она теплилась только на импровизированном базарчике, расположенном возле выхода на перрон. За длинными деревянными прилавками стояло несколько упорных продавцов пышных хризантем и астр, полная женщина в белом фартуке зазывала на пирожки с капустой.

Лейтенант только что закончил еще одну проверку: в камерах хранения железнодорожного вокзала. Он опросил приемщиков, не было ли среди сдававших багаж таких, кто не явился за своей кладью по истечении срока. Таковых здесь не оказалось. Как и в камерах хранения морского и аэропорта.

Денис перебирал в уме, все ли он сделал, что поручила Гранская.

Вроде бы ничего не упустил, но настроение было беспокойное. В школе милиции Денису приходилось сдавать экзамены два раза в год. А вот на службе – ежедневно. А то и по нескольку раз в день. Частенько казалось, что испытание он не выдержал...

– Горячие пирожки! Горячие!.. – донесся до него осипший голос торговки.

Денис вдруг явственно ощутил во рту сладковатый вкус жареного теста и капусты. Матушка его была мастерица на пироги. Пекла их в праздники и будни. С картошкой, грибами, вишнями. Но особенно удавались ей с капустой. Свежей и квашеной. Денис не променял бы их ни на какие пирожные (которые, к слову, отведал впервые лишь в армии, в увольнительной).

Желудок властно заявил своему хозяину, что в последний раз тот принимал пищу часов семь назад. Ноги сами привели лейтенанта к эмалированному тазу, покрытому чистой белой тряпичей.

– Почем пирожки? – спросил Денис, втягивая носом аппетитный запах.

– Всего полтинник за штуку, – откинула тряпку продавщица, демонстрируя свой товар.

– Ну ты даешь, мать, – покачал головой Акатов.

– Так ведь еще и с яичками, – проворковала торговка. – А яички от своей курочки. Ты попробуй, милоч. Ей-богу, целковый не пожалеешь.

– Что, твоя хохлатка несет не простые, а золотые? – усмехнулся Денис, доставая деньги.

Торговка ответить не успела: шагах в трех от них произошла какая-то схватка. Акатов обернулся именно в тот момент, когда некий здоровенный бородатый детина в просторном длинном плаще, перемахнув через прилавок, схватил за плечо высокого парня. Тот рванулся и рухнул на землю. Авоська с бутылками в его руках грохнулась на асфальт, раздался звон разбитого стекла, и на земле образовалась лужа.

– Отдай, гад! – рявкнул бородатый.

– Тише, – пролепетал поверженный мужчина. – Не кричи...

– Ах ты, мать твою так! – разразился детина отборной руганью.

– Что случилось? – грозно спросил лейтенант.

– Не твоё дело! – оборотил на него вытаращенные глаза бородач и пнул ногой лежащего. – Морж, сволочь, отдай, а то прибыю!..

– «Неужели он?!» – вспыхнула кличка бродяги в голове Дениса словно молния.

Здоровяк в плаще схватил Моржа за волосы, оторвал от земли и занес пудовый кулак для удара. У Акатова мгновенно сработал рефлекс – перехватив руку бородача, заломил её за спину. Тот охнул и обмяк.

Откуда появились двое постовых, Денис не заметил. Как и пяток зевак, выросших словно из-под земли.

К его удивлению, милиционеры набросились на Акатова.

– Спокойно, ребята, – сказал он им тихо. – Я из ведомства Корнеева.

Полковник Корнеев был начальником областного уголовного розыска. Постовые смекнули, что к чему...

– Нужна помощь? – спросил один из них.

– Да, – кивнул Денис. – Не спускайте глаз с этого гражданина. – Он подтолкнул к ним бородатого, который, недовольно бурча, потирал руку.

Милиционеры стали возле него с обеих сторон, как часовые.

– Поднимайся, Морж, – сказал Денис.

Бомж при помощи лейтенанта встал. Он еле держался на ногах. То ли сильно ушибся, то ли был изрядно пьян.

– Твое добро? – спросил Акатов, показав на авоську.

– Нет... – кривя рот, еле выговорил Морж, но тут же поправился: – Мое...

– Возьми, – приказал Денис.

Дружок Молоткова поднял авоську. От пролитой из разбитых бутылок жидкости резко несло сивухой. Чача...

– Что у вас произошло? – продолжал расспрашивать оперуполномоченный.

– Так... Ничего... – попытался улыбнуться Морж. – Свои люди, сочтемся...

– А я все видела! – вдруг вынырнула маленькая девчушка из все увеличивающейся толпы любопытных.

Глянув на неё, Акатов удивился: модная взрослая причёска, накрашенные губы, высокие каблукы...

«Господи, – мелькнуло в голове, – так это же лилипутка...»

– А что именно вы видели, гражданочка? – обратился к ней Денис.

– Вот этот мужчина, – указала она пальчиком на бородача, – передал этому... – Жест в сторону Моржа. – Бутылки. Он дал ему за это какую-то вещь. А потом вдруг выхватил её из рук и сунул в рот...

– Ясно, – резюмировал лейтенант, хотя ему далеко не все было понятно. Но не разбираться же здесь, на улице, среди зевак. – Можете пройти с нами в отделение милиции и объяснить подробнее?

– Конечно, – согласилась миниатюрная женщина.

Бородатый раскричался, что никуда не пойдет. Рванулся даже бежать, но постовые перехватили его. И, пройдясь по карманам плаща, обнаружили еще три бутылки чачи.

– Значит, снабжаете страждущих? – усмехнулся Акатов.

Спекулянт перестал сопротивляться. Процессия из шести человек, к вящему разочарованию любопытных, двинулась к зданию вокзала.

Денис ликовал: таки улыбнулась ему удача задержать Моржа.

Тот, правда, ничего путного сказать не мог, только мычал.

Гранская получила подробное сообщение от лейтенанта Акатова около полуночи. И не успела она сложить бумаги в сейф, как на пороге кабинета появился Измайлов.

– Что, решили здесь ночевать? – с улыбкой спросил облпрокурор.

– Как раз собралась идти домой. – Она вздохнула. – Но все равно предстоит бессонная ночь. Почитаю... А то никак не доходили руки до последнего номера «Нового мира».

Захар Петрович взялся проводить Ингу Казимировну – время было нынче тревожное, ходить ночью по улицам опасно: могли запросто напасть. Причем без всякого повода. За последние три месяца в Южноморске было совершено два жестоких немотивированных убийства. Пьяным молодчикам не понравились лица прохожих...

– Моржа задержали, – сообщила Гранская, когда они вышли из прокуратуры.

– Да? – встрепенулся Измайлов. – Когда, кто?

– Час назад. Акатов. – Инга Казимировна стала рассказывать, как это произошло. – Понимаете, Морж приобрел у спекулянта четыре бутылки чачи. Но не за деньги, а за кольцо... И вдруг хватить из рук у спекулянта это кольцо и проглотил.

– Как проглотил? – удивился прокурор. – Зачем проглотил?

– А бог его знает.

– Что сам Морж говорит?

– Да он лыка не вяжет, пьян в стельку. Придется ждать до утра, пока проспится.

История с кольцом насторожила Захара Петровича.

– Интересно, как у него оказалось кольцо? Чье оно? Может, снял с трупа? А может, еще с живого, а потом убил?

– Я тоже об этом думала. Тем более что у потерпевшего на безымянном пальце левой руки след от перстня.

– Как же нам теперь получить перстень, который проглотил Морж?

– Не волнуйтесь, лейтенант Акатов предусмотрел. Моржа поместили в ИВС², в отдельную камеру. Поставили, так сказать, персональную парашу. Правда, как бы он снова его потом не проглотил...

– Молодец этот лейтенант. Честно говоря, я сначала подумал: молодо-зелено... Ну а что вскрытие?

– Оно установило, что возраст убитого чуть больше пятидесяти. Крепкий загар. Значит, жил на юге или провел там отдых... Заядлый курильщик, пальцы даже желтые. Не дурак выпить, об этом говорит увеличенная печень... Что касается профессии – характерных признаков не обнаружено. Янюшкин, ну, судмедэксперт, изъясил дыхательные пути, чтобы исследовать в них микрочастицы. Может, это что-нибудь даст для понимания, чем занимался убитый, где находился.

– А время убийства установлено?

– Вчера вечером, между десятью и одиннадцатью, – ответила следователь. – Анализы выявили наличие в крови синильной кислоты. Однако смерть наступила в результате... – Она провела ладонью по шее.

² ИВС – изолятор временного содержания.

– Выходит, сначала отравили, а потом для верности отрубили голову? – уточнил прокурор.

– Да, – кивнула Гранская. – Отрубили голову, когда потерпевший уже, очевидно, потерял сознание.

– Орудие убийства?

– Скорее всего, топор. Так что тесак, который мы изъяли в пещере, ни при чем. Да и кровь на нем принадлежит животному.

– Значит, Молотков не врал?

– В этом случае не врал. Исследование подтвердило: птичек они разделявали тесаком.

– Где, по вашему мнению, могло произойти убийство? При каких обстоятельствах?

– Предположения можно строить разные, – после некоторого раздумья ответила Инга Казимировна. – Взять хотя бы содержимое желудка. Потерпевший перед смертью пил коньяк, ел икру, сервелат, балык, салат из крабов...

– Знатное меню, – сказал Измайлов. – Сплошные деликатесы. Кооперативный ресторан? В государственных, говорят, такое уже не подают.

– Это одна из версий, – кивнула следователь. – Вторая – был на каком-то торжестве. День рождения, юбилей, свадьба... Третья версия – эти изысканные закуски он сам купил. Например, в «Березке» на валюту...

– Хотите сказать, что убитый все-таки иностранец?

– Многие факты говорят за это. Во-первых, наколка на немецком языке... Я говорила с экспертом. Он сказал, похоже, что татуировка выполнена не у нас в стране. Но окончательный вывод будет сделан после исследования состава красителя... Второе: одежда и чемодан. Все заграничное. Правда, кроме трусов. Они сшиты на калининской фабрике. Хотя в Южноморских их не поставляют, но они продаются в Одессе.

– А при чем тут Одесса? – удивился Измайлов.

– Ах да! – спохватилась Гранская. – Забыла вам сказать... – Она поведала о том, как Гальперин нашел билетик за подкладкой пиджака убитого.

– Как же вы-то проворонили? – пожурил следователя облпрокурор.

– И на старуху бывает проруха, – виновато улыбнулась Гранская. – Я уже связалась с Одессой. По моей просьбе Корчагин тоже позвонил в их угрозыск. Там работают вовсю.

– Одесса, Одесса, – задумчиво произнес Измайлов. – Еще одна ниточка... Скажите, Инга Казимировна, у вас есть версии, как труп попал в заказник?

– Честно говоря, не знаю. Но если потерпевший сделал хоть несколько шагов по «Ущелью туров», мы это завтра узнаем. Я соскребла с туфель убитого частицы почвы и сдала на исследование. И с пиджака, и с брюк. Если будут обнаружены следы трав, растущих в заказнике, то, скорее всего, его убили в «Ущелье туров».

– Я вот думаю, – размышлял вслух Измайлов, – может, убийство совершено в машине, а труп привезли в заказник?

– В салоне автомобиля убить не могли, – возразила Гранская. – Для того чтобы отсечь голову, нужен большой замах. Ударяли под углом восемьдесят пять – девяносто градусов. Причем три раза.

– Да-а, действительно убийство в машине отпадает.

– Ну, до завтра? – протянула своему спутнику руку Инга Казимировна.

– Нет уж, доставлю вас прямо к дверям квартиры. Вспомните, сколько случаев нападения было в подъездах...

– Ну, если вы настаиваете... – улыбнулась Гранская.

Разговор продолжался и на лестнице.

– Надеюсь, отпечатки пальцев убитого вы уже послали в Москву, в Главный информационный центр МВД СССР? – спросил облпрокурор.

– Разумеется, – кивнула Инга Казимировна. – Но если он не преступник, какой в этом толк? – Она вздохнула. – Все-таки мы дикари. В цивилизованных странах уже давно у всех поголовно берут отпечатки. И правильно: случись авария, автокатастрофа – никаких хлопот с идентификацией.

– Лично я всегда считал, что это разумно и полезно... А вспомните, как у нас еще совсем недавно обвиняли американцев в аморальности этого мероприятия: посягательство на личную свободу, права и так далее...

– А знаете, Захар Петрович, – остановилась Гранская, – вы мне подали мысль. Если потерпевший иностранец, может, нам окажет услугу Интерпол?

– Отличная идея! Прямо с утра позвоню в Москву, посоветуюсь, как это сделать. Потому что сейчас для вас вопрос вопросов – установление личности убитого.

У двери Инги Казимировны они беседовали еще полчаса.

Почитать свой любимый «Новый мир» Гранской не удалось: около трех часов ночи раздался телефонный звонок.

– Извините, Инга Казимировна, что разбудил... – послышался в трубке голос, который она теперь узнавала сразу: такой тембр мог быть только у Акатова, молодого, здорового человека.

– Ничего, – сказала следователь, понимая, что по пустяку опер звонить не будет. – Выкладывайте, Денис Сергеевич.

– Только что мне позвонили из изолятора временного содержания. У Моржа вышло кольцо... Контролер ИВС обнаружил его в рвотной массе. Спрашивают, сейчас заберем или утром, – продолжал Акатов.

– Сейчас, – не задумываясь ответила следователь.

Ночь все равно пропала, да и ей самой не терпелось заполучить кольцо – вдруг оно поможет ухватиться еще за одну ниточку.

– Я заеду за вами, – сказал оперуполномоченный.

Минут через двадцать машина прибыла. Гранская сбегала вниз. Акатов галантно открыл ей заднюю дверцу, а сам устроился на переднем сиденье. Тронулись.

Дежурный офицер, предупрежденный Акатовым, их уже ждал. Разговор происходил в его кабинете. Следователю передали тщательно отмытое кольцо.

– Составили протокол, где и при каких обстоятельствах его обнаружили? – первым делом спросила Гранская.

– Все чин по чину, – заверил дежурный, вручая Инге Казимировне документ. – Очень необычное кольцо...

– Что ж в нем необычного? – рассматривала она драгоценность.

Явно мужской перстень желтого металла с крупным квадратным камнем темно-дымчатого цвета.

– Вот смотрите. – Дежурный стал то подносить кольцо к настольной лампе, то отодвигать. Камень буквально на глазах менял цвет: синий, черный, зеленый, темно-синий.

– Ну и чудеса! – не удержался Денис.

Инга Казимировна тоже как завороченная смотрела на перстень. Порывшись в памяти, она вспомнила, что способностью изменять окраску в зависимости от освещения обладает александрит. У нее было колечко с таким камнем. Но у александрита другие цвета...

– Понимаете, – объяснял контролер, обнаруживший находку, – стал его мыть и вдруг – мать честная! В холодной воде один цвет, в горячей – другой...

– Значит, говорите, все дело в температуре? – спросила следователь.

– Ну да, – подтвердил тот.

«Надо посоветоваться с ювелиром, – подумала Инга Казимировна. – Что это за редкость такая?»

Был составлен протокол осмотра и изъятия кольца. Следователь завернула кольцо в бумагу без всяких предосторожностей – какие уж там микрочастицы или потожировые выделения, если кольцо побывало в желудке.

Когда Гранская с Акатовым сели в машину, лейтенант спросил:

– Вас домой?

– В прокуратуру, – ответила следователь. – Денис Сергеевич, вы в Одессе не бывали?

– Не пришлось.

– Придется отправиться. И как можно скорее. Я понимаю, что вы провели весь день на ногах, считай, почти не спали...

– О чем речь, Инга Казимировна! – перебил ее оперуполномоченный, набирая номер по радиотелефону.

Он связался со справочной аэропорта. Первый самолет на Одессу улетал через два с половиной часа.

Глава 6

Старенький неухоженный Як-40 приземлился на мокрую бетонную полосу в утренние сумерки. Пассажиров встретила морось, плотно висящая в воздухе. Прохлада взбодрила Акатова – весь полет он проспал как убитый. Выходя на площадь перед аэровокзалом, еще освещенную фонарями, Денис подумал: здорово, что прибыл в такую рань – весь рабочий день впереди.

Акатов, как говорится, рвался в бой. И поездку на автобусе отменил сразу – первый рейс только через полтора часа. На стоянке такси было десятка два человек. По проезжей части расхаживал диспетчер с повязкой на рукаве.

«Порядок, – подумал лейтенант. – Подождем, как все». Но постепенно оптимизм Дениса стал убывать. Нельзя было сказать, что такси отсутствовали. То и дело к аэропорту подъезжали машины с шашечками, но, освободившись от пассажиров, отъезжали в сторону, где их брали шустрые деловые люди в кожаных пальто и больших кепках.

Рассвело. Лейтенант стал терять терпение. Летели драгоценные минуты. Он подошел к диспетчеру, незаметно показал служебное удостоверение и тихо проговорил:

- Мне нужно срочно в город.
- Что я могу поделать, – устало вздохнул тот.
- Вон же машины! Для чего вы тут приставлены?
- Охотно уступлю место, – огрызнулся диспетчер.

Акатов махнул рукой и покинул очередь. И, как только одно из подошедших такси освободилось, сел рядом с водителем.

– Вы уверены, что доставили мне удовольствие? – насмешливо спросил таксист, оглядывая неказистый костюм Дениса.

Акатов невозмутимо назвал адрес.

- Я, конечно, могу сделать одолжение, – продолжал шофер.
- Почему – одолжение? – начал злиться оперуполномоченный.
- У меня вызов. Но если договоримся...
- Сколько? – еле сдерживаясь, спросил Денис.

– Как сами понимаете, рубль – это смешно, – улыбался водитель. – А взять с вас стольник совесть не позволяет...

- Хватит, трогай! – чуть ли не под нос сунул свое удостоверение водителю Акатов.
- Зачем так нервничать, – включил счетчик таксист, – вредно для здоровья...

До горуправления внутренних дел шофер весело болтал, словно и не было никакого конфликта при посадке. И взял с пассажира ровно по счетчику.

Денис направился прямо к начальнику угрозыска, но того на месте не оказалось. Лейтенанта направили к заместителю, майору Лопато. Акатов представился ему по форме.

- Оперуполномоченный, говоришь, – оглядел Дениса майор. – Из Южноморска?
- Так точно, – подтвердил лейтенант.

– Извини, браток, прежде чем гутарить, покажь-ка свою ксиву, – сказал Лопато и, тщательно ознакомившись с удостоверением Дениса, улыбнулся. – Документ в полном порядке. А то, понимаешь ли, заявился тут к нам один из вашего Южноморска...

– Что, с поддельным удостоверением? – спросил Акатов, вспомнив о грабителях, использовавших фальшивые документы работников милиции.

– С ним другое дело, – продолжал Лопато. – Заходит к моему шефу такой вот, вроде тебя, хлопец. Сыщик, мол. Как не помочь коллеге? Шеф вызывает меня и поручает заняться товарищем. Тому, оказывается, нужен материал на одну гражданку. Звоню другу, прошу принять и посодействовать... Да что ты стоишь? – вдруг спохватился майор.

– Спасибо, молодой, постою, – ответил Денис.

– Садись, садись, – настоял на своем замначальника угрозыска. – Говорят, Бога нет. А я говорю – есть! Не выдал. А то влетело бы нам с шефом по первое число!.. Земляк твой вовсе не из нашей конторы.

– А откуда? – насторожился Акатов.

– Вишь ли, частный детектив, – с презрением проговорил Лопато. – Из бюро «Частный сыск». Слыхал небось?

– Слыхал, – кивнул лейтенант. – Что-то вроде кооператива или малого предприятия.

Об этом частном сыском бюро в их управлении многие тоже говорили скептически. И организовать его кооператорам стоило много крови – уж больно велико было желание местных милицеских властей подчинить бюро «Частный сыск» себе. Но не удалось...

– Хорошо, что тот, к кому я направил этого самого частного сыщика, догадался спросить удостоверение, – рассказывал дальше майор. – Я же, как ты понимаешь, понадеялся на шефа, а он сплеховал.

– Ну и как с тем частным детективом? – спросил Акатов.

– Дали от ворот поворот. Раз вы, голубчики, частники, так и пробавляйтесь своими каналами. Главное, дело-то у него какое! По заданию ревнивой жинки отслеживал любовницу неверного супруга. Но мы при чем? С какой это стати должны заглядывать бабам под юбки – с кем они и когда? – негодовал Лопато. – Ладно, выкладывай нужду.

Денис рассказал о своем задании.

– Значит, вы предполагаете, что потерпевший нашенский, одессит? – спросил майор.

– Не исключено.

– Что же, – набирая номер внутреннего телефона, произнес Лопато, – представлю я тебя одному нашему сотруднику. Постарайся подружиться с ним. Не пожалеешь.

«Подружиться» Акатову предстояло с оперуполномоченным по фамилии Гарнич-Гарницкий. Звали его Гурием Тихоновичем. Лет пятидесяти, в капитанском чине.

– Надо выручить товарища Акатова, – представил ему Дениса Лопато.

– А как быть с митингом? – поинтересовался капитан.

– Так уж и быть, вместо тебя пойду, – великодушно произнес майор.

– Может, еще и выступите? – усмехнулся Гарнич-Гарницкий.

– В Ленинграде один выступил, – осклабился Лопато. – И кончилось это, брат... – Он покачал головой.

– Чем же?

– Поезжай в Питер, там тебе расскажут.

Эти намеки Денису были непонятны, но расспрашивать он не осмелился.

– Пойдемте ко мне, – сказал Гурий Тихонович. – Там и потолкуем.

В кабинете капитана стояло три служебных стола. Но коллег Гарнич-Гарницкого на месте не было. Гурий Тихонович детально расспросил Дениса про дело, внимательно ознакомился с фотографиями с места происшествия. Особенно его заинтересовала татуировка на руке в виде якоря.

– Может, он моряк? – посмотрел на лейтенанта капитан.

Тот развел руками. Гарнич-Гарницкий надолго задумался. И вообще, он произвел на Акатова впечатление человека неспешного, основательного, опровергающего расхожее мнение об импульсивности одесситов.

– Придется, лейтенант, как следует потопать, – наконец выдал Гурий Тихонович.

– Этим и живем, – расплылся в улыбке Денис.

Как только Измайлов появился у себя, Гранская зашла к облпрокурору с докладом.

Измайлов внимательно выслушал сообщение следователя о том, что произошло ночью.

- Кольцо действительно с трупа? – спросил он.
- Да, Молотков его опознал. А что было потом и как оно очутилось у Моржа, Баобаб не знает.
- А может, у покойного стащили еще что-нибудь? Ну, там, деньги, валюту, другие ценности?
- Молотков уверяет, что в карманах убитого было пусто, хоть шаром покати.
- Все-таки шарили. И вы верите Молоткову?
- Насчет денег он, возможно, не врет. И вот почему: чачу у того спекулянта Морж просто купил бы.
- Личность спекулянта установили?
- Известный барыга. Регулярно привозит из Грузии чачу и сбывает у нас. Несколько раз задерживали и отпускали с миром.
- Ах, какие добренькие, – нахмурился облпрокурор. – Откупается небось?
- Уверена. Иначе нечем объяснить такую либеральность по отношению к нему. Измайлов что-то черкнул в перекидном календаре. И спросил:
- Есть другие новости?
- Есть. Звонил Янющкин. В результате исследований установлено, что убитый перед смертью имел половое сношение. Об этом свидетельствуют женские секреты на его теле.
- Факт важный, – отметил Измайлов. – Застолье, дама. И развязка – смерть. Пища для размышлений.
- Вернее, еще одна из версий. Потерпевшего могли заманить в компанию, подсунуть женщину, напоить коньяком с отравой и убить. Потом положили труп в чемодан и вывезли в заказник.
- Отрабатываете эту версию?
- Конечно, – кивнула Гранская и продолжала: – Готово еще одно заключение экспертов. По поводу микрочастиц с одежды и обуви потерпевшего. Они не имеют никакого отношения к флоре и почве заказника.
- Хотите сказать, это подтверждает мысль, что труп был доставлен туда в чемодане?
- Вот именно.
- Ну а волосы, обнаруженные на костюме убитого и внутри целлофанового мешка? – поинтересовался прокурор. – Какому животному они принадлежат?
- Синтетика. Искусственный мех. Можно предположить, что в этом мешке хранили шубу. Думаю – женскую.
- Женскую? – вскинул брови Измайлов. – Почему такая уверенность?
- Понимаете, дело в цвете. И белый, и желтый, и коричневый. Выходит, шуба была яркая, пестрая. Не будет же мужчина носить такую.
- Хм, о чем вы говорите, – усмехнулся Измайлов. – Посмотрите на мужиков, особенно на молодых парней...
- В кабинет заглянула секретарь Измайлова:
- Простите, Захар Петрович, телетайп из Москвы. Срочно...
- Конечно, конечно! – закивал облпрокурор.
- Собственно, это для товарища Гранской, – говорила на ходу секретарь, не зная, кому передать сообщение.
- Инге Казимировне и отдайте, – выручил ее хозяин кабинета.
- Вручив следователю бумагу, секретарь вышла.
- Гранская прочитала вслух:
- «Вчера в Министерство культуры представлена картина, на которой изображен обезглавленный труп, находящийся в чемодане. Картина приобретена вчера же в Южноморске.

Если она представляет интерес для следствия, срочно телетайпируйте. Замначальника управления Московского уголовного розыска генерал Кочергин».

– Обезглавленный труп? – изумился Захар Петрович. – На картине?

– Ну да, – протянула ему отрывок бумажной ленты следователь. – Это реакция на нашу вчерашнюю ориентировку... Я не понимаю, что значит представлена? Кем? Кто купил? У кого?

– Действительно, сплошные загадки, – сказал Измайлов, уставившись в сообщение.

– И при чем здесь Министерство культуры? – развела руками Инга Казимировна. – Я считаю, нужно срочно связаться с этим Кочергиным.

– Пожалуй, – согласился облпрокурор и стал листать какой-то телефонный справочник, кажется МВД. – Убийство совершено позавчера ночью, а сегодня уже картина с изображением трупа очутилась в Москве... Мистика...

– А может, она не имеет никакого отношения к делу?

– Что гадать, – сказал облпрокурор, набирая номер.

В Москве трубку взял помощник Кочергина и сообщил, что генерала нет, вернется через часа два, не раньше.

– Что же будем делать? – растерянно проговорила Гранская. – Дадим телетайп, что картина нас интересует?

– Нет, такие игры нам не нужны, – усмехнулся Захар Петрович. – Москва прислала телетайп, мы ответим, потом опять они... Сделаем так: оформите командировку, берите машину, заезжайте домой, прихватите необходимые вещи и – в аэропорт.

Медлительный в словах и раздумьях, Гарнич-Гарницкий был скор в ходьбе. Лейтенант Акатов, сам не любивший ходить медленно, едва успевал за ним.

Перво-наперво они отправились в Морское пароходство. В нем оперуполномоченные провели часа два. И ушли, как говорится, ни с чем. Человека с приметами потерпевшего там никто не знал.

– Ну и куда теперь, Гурий Тихонович? – спросил Денис.

– Раз уж мы вдарили по наколкам, – ответил Гарнич-Гарницкий, – есть человек, можно сказать, профессор по этим делам. К нему и завалимся. Тут недалеко.

– На своих двоих?

– Зачем, трамвайчиком.

Недалеко – оказалось с полчаса езды. Вышли у неказистого трехэтажного дома с продовольственным магазином на первом.

– Заглянем, – кивнул на магазин Гурий Тихонович. – Давненько не навещал Эрмитажа. С пустыми руками неудобно.

– Эрмитаж – это что? – полюбопытствовал Акатов.

– Кличка, – пояснил капитан.

Они вошли в магазин. Посетителей не было. Впрочем, как и товара. Продавец скучал возле пустых полок.

Гарнич-Гарницкий нырнул в еле приметную дверь и вернулся минут через пять с бумажным пакетом в руках.

– Эрмитаж сидел? – поинтересовался Денис, когда они вышли из магазина и зашли в зеленый дворик.

– Почти полвека.

– Ого! – присвистнул Акатов. – Профиль какой?

– Ширмач.

«Карманный вор», – перевел для себя с жаргона лейтенант.

– Спец, каких в стране наперечет, – продолжал капитан. – И верхушечником был, и умел брать на вздерку.

«Воровал из наружных карманов и ухитрился украсть только часть денег», – снова расшифровал для себя Денис.

– Причем никогда не унижался до того, чтобы взять бухаря. Ну, пьяного обчистить.

– Я понял, – кивнул Акатов. – Специально учил феню... Выходит, ваш знакомый – вор в законе?

– В самом что ни на есть. Лишь последние пять лет на свободе.

– Но ведь такие не завязывают. И помирают в юрсах, – щегольнул Денис блатным словом, означающим тюрьму.

– Верно, – кивнул Гарнич-Гарницкий, – Эрмитаж завязал из-за профнепригодности. Болезнь Паркинсона. Как с трясущимися руками лезть в карман?

Они поднялись на второй этаж. Капитан позвонил. За дверью – ни звука.

– Может, нет дома? – сказал лейтенант.

– Дома, – убежденно произнес Гурий Тихонович. – Пока встанет, пока подойдет. Старик... Эту каморку мы помогли ему получить. Хотя и попортил он нам кровушки.

Щелкнул замок, и на пороге показалась согбенная фигура в заношенном махровом халате.

– А-а, Тихоныч, – протянул старик, всматриваясь в гостей старческими слезящимися глазами.

– Примешь, Егор Иванович? – спросил капитан.

– Еще бы! Заходи...

Они сразу очутились в небольшой комнатенке с продавленной тахтой, куцым столиком и двумя табуретками. Пахло старостью и неухоженностью.

– Денис, – представил своего спутника Гарнич-Гарницкий, не объясняя, однако, кто такой Акатов.

Хозяина, впрочем, это и не интересовало. Капитан выложил на стол содержимое пакета: хлеб, две банки сайры в масле, кусок вареной колбасы и пачку индийского чая.

– Знатная шамовка, – проговорил Эрмитаж.

Руки у него ходили ходуном, голова мелко тряслась. Поэтому вскрыл консервы сам капитан, он же нарезал хлеб и колбасу, поставил чайник на электрическую плитку.

– Племянница заходит? – спросил Гурий Тихонович, ополаскивая под краном заварной чайник.

– Василиска? – сказал с болезненной гримасой Егор Иванович. – Уже месяц, как носа не кажет. Не я ей нужен, а моя хата.

– Все-таки прописал ее? – удивился капитан.

– А куда деваться? Так бы и вовсе не заглядывала. И подышал бы тут один, как пес.

– Так ведь у ее мужа есть площадь.

– Она специально развелась. Теперь ждет не дождется, когда я отброшу копыта. – Эрмитаж вздохнул. И попросил: – Ты, Тихоныч, немного заварки сыпь, байкал³ сделай. Я и так мотор испортил чифирем.

Ел он неопратно, с трудом донося до рта пищу трясущимися руками. Оба опера за компанию умяли по бутерброду. А когда приступили к чаю, Эрмитаж спросил:

– Как я понимаю, Тихоныч, ты по делу.

– По делу, – не стал лукавить капитан. – Взгляни-ка... И выложил перед хозяином увеличенные снимки наколок. Егор Иванович внимательно рассматривал их, неспешно прихлебывая из чашки. Закончив пить чай и вытерев рот ладонью, спросил, показывая на татуировку, выполненную на немецком языке:

– Что это означает по-русски?

³ Байкал – слабо заваренный чай (*жарг.*).

– Свобода и любовь, – ответил Акатов.

– А где нарисовали?

– На плече.

– Немчик, что ли?

– Может быть, и немец, – сказал Денис.

– Сиживал я с ихним братом. Со спецпереселенцами. Много посадили в конце войны и после... Но такую картинку ни у кого не встречал. – Эрмитаж взялся за снимок наколки в виде якоря. – А это где находилось?

– На руке. Вернее, почти на запястье, – пояснил лейтенант.

Егор Иванович пристально взгляделся в фотографию, покачал головой.

– Ждем твое заключение, – поторопил Гарнич-Гарницкий бывшего зэка.

– Якорек как якорек, – пожал плечами тот. – Такие штуки любят моряки. На воле.

– Это мы и без тебя знаем, – подначил Егора Ивановича капитан.

Его слова заделли хозяина квартиры. Он снял рубашку и майку. Денис едва сдержался от восклицания: на дряблом теле не было ни квадратного сантиметра без татуировок.

И Акатов понял, почему его прозвали Эрмитаж. Ходячая картинная галерея, да и только!

– Глянь, тоже якорь, – показал Егор Иванович тыльную часть кисти левой руки. На ней был выколот якорь с фрагментом спасательного круга на фоне яхты, плывущей по волнам. И тут же слово «свобода». – Смекай: хочу быть на воле... А просто якорь ни хрена не означает.

– Выходит, каждая картинка имеет свой смысл? – уточнил Акатов.

– А как же, – солидно произнес хозяин. – Как ты думаешь, что означает вот это? – Он ткнул пальцем в грудь, где была вытатуирована Божья Матерь с младенцем, витающие в облаках. Фоном служил крест и восходящее солнце. Все детали были выписаны с поразительной тщательностью и мастерством.

– Здорово! – почесал затылок Денис.

– А-а, не знаешь, – протянул Эрмитаж, довольный. – Так вот, картинка говорит, что тюрьма – мой дом родной...

– Накальывается только на груди? – спросил Гурий Тихонович, хотя отлично знал это. Старался для молодого коллеги...

– Только, – кивнул Егор Иванович.

– А это что? – расспрашивал Акатов, показав на плечо. Там был изображен тюльпан в руке, обвитой колючей проволокой.

– Моя первая наколка, – ответил Эрмитаж. – Такую делают, если загремишь в воспитательно-трудовую колонию в шестнадцать лет. Черточку видишь?

– Вижу.

– Это значит, что я схлопотал полгода. А если стоит точка – один год, две точки – два. Ну и так далее.

Егор Иванович «просветил» оперов и такими сведениями, которые нельзя было «прочесть» на его теле. Например, изображение мужской головы на фоне креста означало: человек совершил убийство; джинн, вылетающий из кувшина, – наркоман; глаза на ягодицах – пассивный гомосексуалист; пчела на половом члене – активный гомосексуалист; два тюльпана – поборник кровной мести...

Кое-что Денису было известно, но очень многое он слышал впервые.

Опера засиделись у Эрмитажа. И, когда вышли на улицу, Акатов сказал:

– Основное дело, увы, мы так и не прояснили.

– Но зато ты прослушал лекцию, которую тебе не прочтут даже в Академии МВД, – улыбнулся Гарнич-Гарницкий.

– Это факт, – согласился лейтенант.

Гурий Тихонович проводил его до гостиницы «Волна», где остановился Акатов. Договорились встретиться завтра.

Стремительность, с которой Гранская примчалась из теплого солнечного Южноморска в холодную, со свинцовым небом Москву, поразила генерал-майора Кочергина. Во всяком случае, когда она вошла в его кабинет и представилась, замначальника ГУВД удивленно переспросил:

– Та самая Гранская, которой я утром послал телетайп?

– Собственной персоной, – подтвердила следователь.

– Ну и ну! – вышел из-за стола генерал и крепко пожал ей руку. – Нашей бы молодежи так оперативно работать. – И, поняв, что замечание прозвучало не очень тактично (намек на возраст), гостеприимно добавил: – Прошу садиться. Вячеслав Константинович...

– Инга Казимировна.

Не теряя времени, она с ходу попросила разъяснить вопросы, возникшие еще там, в Южноморске, по получении телетайпа.

– Может, вы хотите сначала взглянуть на фотографии картин? – сказал генерал, протягивая ей несколько цветных снимков большого формата, на которых были сняты три живописные работы.

– Разумеется.

Гранская разложила их перед собой и не смогла сдержать волнения: моделью одной из картин художнику определенно послужила страшная находка в «Ущелье туров».

В окружении диковинных растений, цветов и порхавших бабочек в пространстве висел не то гроб, не то чемодан с обезглавленным телом. Причем детали – поза убитого, костюм, туфли, галстук и прочее – были переданы очень точно.

Но самым поразительным было то, что в углу картины помещалась отдельно мужская голова. С пышными усами и злыми глазами. Она словно парила в воздухе, создавая жуткое ощущение.

На фотографиях картина была снята полностью, а также отдельными фрагментами. Две другие работы к убийству никакого отношения не имели.

– Что скажете? – спросил Кочергин, видя, с каким лихорадочным возбуждением перебирает снимки гостя.

Гранская вынула из кейса фотографии, сделанные на месте происшествия, и молча протянула генералу.

Тот внимательно разглядел их, сопоставил со своими и покачал головой.

– Поразительное сходство, – заключил Кочергин. – А я, признаться, сомневался. Думаю, получат мою депешу и скажут: большие фантазеры эти москвичи. Теперь вижу – в точку...

– Но как вы вышли на картины? – нетерпеливо спросила Гранская. – Для меня это непостижимо. Или профессиональный секрет?

Вячеслав Константинович откинулся на спинку кресла и рассмеялся.

– Случай. У нас, сыщиков, тоже это бывает, – признался он. – Понимаете, в Москве проездом мой старинный и закадычный друг из Грузии. Зураб. Вчера пригласил меня с женой в ресторан. В какой – вы, если знаете Москву, догадываетесь.

– «Арагви»?

– Совершенно верно, – потер довольно руки Кочергин. – Договорились на семь, но я с трудом вырвался полдевятого. И перед самым уходом познакомился с южноморской ориентировкой. Буквально на выходе. Дина, моя жена, уже давно была в ресторане. Меня, естественно, отчитали за опоздание... Словом, сидим, наговориться не можем. Шутка ли – лет десять не виделись. Зашел наконец разговор о делах жены. И вдруг она говорит, что к ним в отдел посту-

пила странная картина из таможни на предмет экспертной оценки и разрешения вывоза из страны.

– Простите, – перебила следователь, – а где ваша жена работает?

– В Министерстве культуры. Искусствоведом.

– Ну да, вы же о министерстве упомянули в телетайпе...

– Художник обезглавленного человека нарисовал, – продолжил генерал. – А у меня, понимаете, все время в голове, – он постучал себя по лбу, – та самая ориентировка... Просидели мы до самого закрытия, отвезли на такси Зураба в гостиницу. Поехали домой. А мне нейдет, так и тянет взглянуть на картину. Утром поехал с женой в министерство... Как глянул – тут же подумал: нужно дать знать в Южноморск. Вызвал фотографа. Как видите, не зря...

– А кто хочет вывезти картину за рубеж? – спросила следователь.

– Все это вам расскажет Дина, – сказал генерал, набирая номер. – Полностью – Дина Марковна... Привет, – это уже относилось к собеседнице на том конце провода. – Слушай, ты бы не могла уделить время товарищу из Южноморска?.. Следователь... Ну и отлично... – Он положил трубку и улыбнулся. – Аудиенция вам устроена.

Но прежде чем отпустить Гранскую, замначальника московской милиции попросил ее подробнее рассказать о деле. И, выслушав, предложил:

– В чем будет нужда – готовы помочь.

– Ловлю на слове...

На предоставленной Кочергиным машине Инга Казимировна отправилась в Министерство культуры. С неба сыпалась снежная крупа. Гранская даже не замечала знакомых московских улиц, проплывающих за окном автомобиля. Мысли крутились вокруг события, приведшего ее в столицу.

Выходит, Молотков-Баобаб действительно художник, потому что, кроме него, изобразить труп было вроде некому. Но когда он успел создать свое произведение? Где и как передал его покупателю?

Что по-настоящему волновало следователя – изображение головы. Если она – потерпевшего, значит, Молотков мог видеть его до убийства или, во всяком случае, до расчленения трупа. Отсюда логически вытекало, что Баобаб знал больше, чем рассказал...

Худошавая, с пышными темно-русыми волосами, распущенными по плечам, Кочергина встретила Гранскую вопросом:

– Не пойму, почему вас и мужа так заинтересовала работа никому не известного художника?

– Видите ли, Дина Марковна, занимаемся загадочным убийством. Возможно, тут есть связь.

– Понимаю! – тихо произнесла искусствовед. – Но войдите и в мое положение. Владелец торопит с заключением, наутро у него билет во Франкфурт... Что, потянуть?

– Я думаю, в этом нет необходимости... Скажите, автор картины известен?

– Картин, – поправила Кочергина и заглянула в какие-то бумаги. – «Голубое в красном», «Встреча» и «Парящая голова».

Искусствовед поставила у стены три работы. Та, что интересовала Гранскую, называлась «Парящая голова».

– Фамилия художника, – продолжала Кочергина, – Молотков...

«Значит, все-таки Баобаб», – отметила про себя Инга Казимировна и спросила:

– А покупатель?

– Господин Потапов, гражданин ФРГ... Звонил уже раз пять.

– Наш соотечественник?

– Да, эмигрант.

– Вы даете «добро» на вывоз картин?

– А почему бы и нет? Пусть вывозит.

– Что, не представляют художественной ценности?

– Я бы не сказала, что это бесталанно. Отнюдь. Но, прямо скажем, не шедевры. Такие работы объявляются в стране каждый день. Ну словно грибы после дождя в Измайловском парке и на Арбате.

– Потапов понимает, что он купил?

– Понимает. Но, видите ли, сейчас на Западе бум на все русское... Возьмите аукцион знаменитой фирмы «Сотбис»... Фаберже, русский авангард начала века, документы о расстреле Николая Второго, книги Троцкого... И как раскупают! Европа словно с ума сошла... Потапов не прогадает, уверяю вас. Покупают и вывозят сотнями, а спрос все равно велик.

Она, казалось, готова была прочитать целую лекцию на эту тему, но прервал телефонный звонок. Опять звонил Потапов. Кочергина попросила его приехать за картинами и документами часа через два с половиной.

– Где он остановился? – спросила Гранская, когда разговор был окончен.

– В «Космосе». Оттуда звонил.

Прощавшись, Инга Казимировна поспешила в интуристовскую гостиницу. И застала бывшего соотечественника выходящим из своего номера. Гранская представилась и попросила уделить ей немного времени.

– Не больше двадцати минут, – согласился гражданин ФРГ, несколько обескураженный вниманием к нему следователя по особо важным делам. – Чем могу быть полезен? – пригласил он Гранскую в номер и усадил в кресло.

– У меня есть вопросы по поводу приобретенных вами в Южноморске картин Молоткова, – ответила Инга Казимировна.

– Я купил их законным путем, – спокойно сказал Потапов, усаживаясь во второе кресло и складывая руки палец к пальцу.

– Не сомневаюсь, господин Потапов, – кивнула следователь.

– Давайте по-нашему, по-русски, зовите меня Гелием Федоровичем, – улыбнулся он, и сквозь эту улыбку действительно проглянул милый, обходительный русак. – Скажите честно, я вляпался в какую-то историю?

– Лично вы, Гелий Федорович, можете спать спокойно, – тоже с улыбкой ответила Инга Казимировна. – Мне хотелось бы услышать, как вам достались работы Молоткова. И почему именно его?

– Простите, может, лимонадика? – поднялся Потапов, открыл холодильник. И это слово «лимонадик» снова выдало его бывшую принадлежность стране.

Он откупорил бутылку «Лесной воды», разлил по стаканам.

– Благодарю, – взяла Гранская предложенный лимонад.

– Честно сказать, надоели мне там всякие пепси, кока... С удовольствием пью родную фруктовую, – опустил в кресло со своим стаканом Потапов. – Ну а насчет картин... Услугами центра «Люкс-панорама» пользуюсь второй раз. Весной отдыхал в Южноморске, зашел туда на презентацию местных авангардистов и не удержался, купил две работы Молоткова. Очень даже по сходной цене...

– Простите, – перебила его следователь, – вы с ним самим знакомы?

– Не пришлось... Покупка была оформлена через дирекцию «Люкс-панорамы», которая выступает в роли посредника. Скажу вам, генеральный директор Бабухин по-настоящему деловой человек.

– Давно его знаете?

– Я ж говорю, познакомился на презентации... Договорились, когда буду в Союзе, дам ему знать, – рассказывал Гелий Федорович. – Прилетел я неделю тому назад. Наклеивается СП... Совместное предприятие. Позвонил Руслану Яковлевичу. Отметился, так сказать. А

позавчера получаю от него телеграмму. – Потапов, не вставая, достал из тумбочки телеграмму, протянул Гранской. – Вот...

Телеграмма гласила: «Есть возможность приобрести две работы любившегося вам художника тчк срочно прилетайте зпт иначе уведут тчк искренне ваш Бабухин».

– Я недолго думая махнул в Южноморск. А там ждет приятный сюрприз: не две работы Молоткова, а три. Причем последняя, «Парящая голова», удалась ему, по-моему, лучше всего. Чем-то напоминает Сальвадора Дали... Я не торгуясь приобрел все три картины и вылетел в Москву. С удовольствием понежился бы на солнышке, но время, как говорится, деньги. Да и билет «Люфтганзы» в кармане.

– Сколько вы заплатили?

– Сорок пять тысяч марок. Право же, здесь такую цену Молоткову никто не дал бы. Тем более в валюте.

– Простите, Гелий Федорович, но мне придется наш разговор оформить протоколом.

– Ради бога.

– И если телеграмма вам не нужна...

– Берите, берите, – охотно согласился Потапов.

Пока Инга Казимировна писала протокол, Гелий Федорович смотрел телевизор, не включая звука. Показывали какой-то митинг. Над толпой были вознесены плакаты и лозунги. Бывший наш соотечественник глядел на экран не отрываясь.

– Пожалуйста, ознакомьтесь и распишитесь, – попросила Гранская.

Гелий Федорович с сожалением оторвался от телевизора, прочел протокол допроса и изъятия телеграммы, после чего поставил на каждом листе свою подпись.

– Кто бы мог подумать!.. – сказал он, отдавая документы Гранской.

– Вы о чем? – не поняла следователь.

Потапов повернул регулятор громкости. Оратор на трибуне в пух и прах разносил руководство страны.

– Наконец-то мы очухались, – проговорил Гелий Федорович, который, видимо, все еще причислял себя к советскому народу. – А моего отца за это же самое... – Он тяжело вздохнул и замолчал.

– Да, что-то, а митинговать научились, – откликнулась Гранская, охотно поддерживая разговор.

Ей был любопытен этот человек. Какие ветры, какие обиды или выгоды заставили его покинуть свою страну? Однако прямо спросить об этом она посчитала нетактичным.

– Как жаль, что батя не дожил до нынешних времен, – с горечью произнес Потапов. – Наверное, ходил бы нынче в героях. А возможно, и в Кремле бы выступал как депутат... Историю «Сторожевого» небось знаете? Ну противолодочного корабля?

– Нет, – призналась следователь.

– Как же, – не столько удивился, как огорчился Потапов, – у вас же писали...

– К сожалению, пропустила.

– В семьдесят пятом году, во время военного ноябрьского парада в Риге, «Сторожевой» покинул строй кораблей и ушел в открытое море...

– Зачем?

– Чтобы подойти к Ленинграду и по радио призвать людей покончить с деформированным социализмом, возродить демократию и гуманные принципы жизни... Задумал и осуществил все это замполит корабля Валерий Михайлович Саблин. Он арестовал командира, запер в одной из кают, собрал офицеров и призвал поддержать свой план. С ним пошли двенадцать человек, в том числе и мой отец... Между прочим, они мыслили куда менее радикально, чем этот вот товарищ, – показал на экран телевизора Потапов.

– И чем все кончилось?

– Чем... Один из мичманов незаметно прыгнул за борт, добрался до подводной лодки и настучал. Корабль перехватили военные самолеты, обстреляли. Кто-то освободил командира, тот ранил Саблина... Вся затея провалилась. Саблина и его сподвижников судил трибунал. Какой был вынесен приговор, думаю, вы догадываетесь...

– Догадываюсь... – кивнула Гранская. – И поэтому вы?..

– Да, – глухо ответил Потапов. – Не мог простить смерть отца. При первом же удобном случае отчалил к другим берегам. – Он резко выключил телевизор, посмотрел на часы. – Извините, Инга Казимировна, больше временем не располагаю.

– Благодарю вас за помощь следствию, – поднялась с кресла Гранская.

– Мне нечего было скрывать... И прошу оказать мне услугу...

– Какую? – удивилась следователь.

– Как бизнесмен я дорожу своей репутацией. Скажите откровенно, могу я без ущерба для своего реноме иметь дело с Бабухиным? Ведь я не мальчик, все понимаю...

– Хорошо, отвечу честно: не знаю. Напраслину возводить не буду.

Из гостиницы они вышли вместе. Гелий Федорович взял такси, а Гранская поехала на Петровку, 38.

Следователь действительно не знала, что посоветовать Потапову насчет Бабухина. Хотя фигура генерального директора «Люкс-панорамы» занимала ее все больше и больше. Судя по оперативным данным, добытым Журом, личность весьма непонятная. Были подозрительны его связь с Молотковым и Моржом, предприимчивость, граничащая, видимо, с уголовщиной. Делал дорогие подарки женщинам. А одному парню-манекенщику купил кооперативную квартиру. Однако, как говорится, не пойман – не вор.

Во всяком случае, Бабухиным следовало заняться самым тщательным образом. Помощь в этом Инга Казимировна рассчитывала получить от Кочергина.

Когда она приехала на Петровку, 38, в кабинете Вячеслава Константиновича суетились телевизионщики. Генерал давал им интервью. Материал шел прямо в эфир по телеканалу «Добрый вечер, Москва».

Телекорреспондент попросил Кочергина рассказать о каком-нибудь трудном случае. Генерал недолго думая подозвал Гранскую и представил ее, пояснив, что она занимается сейчас сложным делом. Инга Казимировна, решив воспользоваться удобным случаем, показала зрителям фотографию картины «Парящая голова» и попросила: если кто-нибудь опознает человека, пусть сообщит в милицию...

– Отличный экспромт получился, – сказал Кочергин, когда телевизионщики собрали свою аппаратуру и уехали. – Ну, что новенького?

Следователь рассказала о допросе Потапова.

– И раз уж вы взялись опекать нашу группу, – заключила Гранская, – помогите разобраться с Бабухиным. Хочу проверить: не тянутся ли за ним московские грешки. Сюда он часто приезжал к своим однополчанам.

– Вы говорили, что он афганец? – уточнил генерал.

Инга Казимировна подтвердила, что генеральный директор «Люкс-панорамы» вроде бы воевал.

– Ну что ж, есть у нас один человек, связанный с афганцами. Помогает им, – сказал Вячеслав Константинович и вызвал старшего оперуполномоченного майора Велехова.

Гранская сообщила ему все, что знала о Бабухине.

– Когда уезжаете? – спросил майор.

– Хочу сегодня, – посмотрела на генерала следователь. – В двадцать три десять.

– Считайте, билет у вас в кармане, – кивнул Кочергин и тут же дал кому-то соответствующее указание по телефону.

На этом и расстались. Инге Казимировне хотелось пройтись по Москве, поразмышлять. На ходу думалось лучше. В столице у нее было еще одно дело – зайти к знакомому ювелиру, у которого она когда-то ремонтировала свои немногочисленные украшения, подаренные покойным мужем.

Мастерская находилась недалеко, на проспекте Мира. Инга Казимировна поднялась на Сретенку, миновала Колхозную площадь. В воздухе порхал легкий снег, который тут же таял, падая на грязный асфальт.

Следователь все время возвращалась мыслями к треугольнику, связанному непонятными пока для нее узами, – Молоткову, Моржу и Бабухину. Интуиция подсказывала ей, что эти трое имеют какое-то отношение к убитому. Но вот какое?..

В небольшой ювелирной мастерской работало двое мастеров. Ее знакомый, Рустам Арифулович, был на месте. Увидев Гранскую, он вынул из глаза линзу в окуляре и улыбнулся:

– Здравствуйте, Инга Казимировна! Что-то давненько не заходили к нам...

– Добрый вечер, – приветливо поздоровалась следователь. – Да вот все как-то случая не было...

Рассказывать при посторонних о том, что она переехала в Южноморск, ей не хотелось. Она сказала, что есть нужда проконсультироваться с глазу на глаз. Ювелир провел Гранскую в небольшую каморку. Там-то она и сказала, что живет в другом городе, и показала служебное удостоверение.

– Правильно сделали, что махнули на юг, – одобрил мастер. – В Москве с каждым днем жить все труднее. Очереди, грязь, люди злые... А погода? – показал он на серую мглу за окном. И спохватился: – Что у вас за дело?

Следователь достала из кейса перстень, снятый с убитого, и протянула ювелиру.

– Знакомая игрушка, – повертел он в руках кольцо. – Моя сестра была у родственников в Штатах, привезла отцу такую же... – Рустам Арифулович потер камень. – В нем содержатся вещества в жидкокристаллическом состоянии. Цвет меняется в зависимости от настроения...

– В каком смысле?

– Ну, если вы не в духе, камень черного цвета. Оттенок топаза – настроение улучшается. Зеленый цвет говорит, что нервное напряжение спало. А синий – значит, у вас все в порядке, мир прекрасен и удивителен.

– Неужели действительно так?

– Отец говорит – так, – улыбнулся ювелир. – Когда я звоню ему, спрашиваю: ну, как самочувствие, черное или синее?

– Дорогая вещь?

– Право, не знаю. Металл не драгоценный, даже пробы нет. Сестра говорит, что это можно купить там в любом магазине...

Поблагодарив за услугу, Гранская попрощалась с мастером. Она успела еще перекусить в кафе и отправилась во Внуково. Билет на нужный рейс был забронирован.

За полчаса до посадки вдруг репродуктор прогремел на весь аэровокзал: «Товарища Гранскую просят пройти в комнату милиции».

Инга Казимировна поспешила туда, гадая, кто бы мог ее разыскивать, да еще таким способом. Оказалось – звонил майор Велехов.

– Понимаете, Инга Казимировна, – сказал оперуполномоченный, – афганец-то ваш помер и в Москву не мог приехать.

– Как? – вырвалось у Гранской. – Когда? От чего?

– Умер два с половиной года назад у себя на родине, в поселке Гранитном. От ранений, полученных в боевых действиях под Кандагаром. Воевал он смело, награжден медалью «За отвагу».

– Это точно, что умер? – задала в общем-то глупый вопрос следователь.

– Хоронить ездили трое его однополчан. С одним из них я только что разговаривал.

– Кто же тогда генеральный директор «Люкс-панорамы»? – задала вопрос скорее себе Гранская.

– Нам бы тоже хотелось знать, – усмехнулся на том конце провода майор. И серьезно продолжил: – Но это не все новости для вас. Сразу после телепередачи, после вашего выступления раздался очень взволнованный звонок. Человек узнал на картине своего отца, спрашивал, что с ним случилось.

– И кто же, по его мнению, изображен на картине? – удивилась Гранская.

– Некто Федор Михайлович Голенищев. По словам сына – уважаемый человек. Долгое время работал в совхозе управляющим животноводческим отделением. А два года назад ушел из управления и взял с женой на семейный подряд отару овец... Словом, маяк перестройки.

– Адрес?

– Ростовская область, хутор Большие Ковали... Сын говорит, еще вчера отец был жив-здоров, звонил ему...

– Где живет сын?

– Здесь, в Москве.

Инга Казимировна записала и данные Голенищева-младшего.

– Спасибо за содействие, – сказала она на прощание. – Если что прояснится с лже-Бабухиным и Голенищевым, сообщу.

После разговора с муровским оперуполномоченным Гранская сразу же по автомату позвонила домой к Журу. Капитан был на месте.

– Может, задержим Бабухина? – предложил Виктор Павлович, узнав свеженькие новости.

– Установите наблюдение. Прилечу – решим, что будем делать с ним, и подумаем насчет Голенищева.

По радио объявили регистрацию на ее рейс.

К «Люкс-панораме» Гранская, Жур и два оперативника группы захвата прибыли на машине в девять с минутами утра. Когда Инга Казимировна прилетела ночью из Москвы, было решено начать с обыска у Бабухина в демонстрационном центре.

У подъезда стояла «чайка» – генеральный директор, значит, на месте. Следователь и опера поднялись на третий этаж, зашли в приемную. Там возились с батареей центрального отопления два молодых сантехника.

– А где секретарша? – спросил у них Жур.

– Отлучилась куда-то, – ответил один из парней. – Кажись, на почту.

– А сам? – кивнул на обитую красным дерматином дверь капитан.

– У себя, – одновременно сказали оба сантехника.

Следователь показала им служебное удостоверение и попросила быть понятыми при обыске. Парни согласились. Опера группы захвата остались в приемной. Когда Гранская, Жур и понятые зашли в кабинет, Бабухин говорил по телефону. Он был чисто выбрит, тщательно причесан. Щегольской костюм-тройка сидел на нем как влитой. Модная рубашка в полоску, галстук. От генерального директора пахло дорогим одеколоном. Он сделал жест рукой Инге Казимировне и Виктору Павловичу, – мол, садитесь. Но те продолжали стоять, осматривая помещение. Все стены были увешаны афишами. Алла Пугачева, Валерий Леонтьев, Тамара Гвердцители, Анне Веске, Владимир Пресняков. Тут же смотрел на всех исподлобья Кашпировский. Но многих на афишах ни Гранская, ни Жур не знали. Еще кабинет украшало несколько картин в тяжелых багетных рамах.

В комнате было прохладно – через открытую дверь с лоджии струился утренний воздух, шевеля шелковую гардину. Окно было затенено густой кроной могучего платана, ветви которого чуть ли не касались стекол.

– Чем могу быть полезен? – положив трубку, спросил генеральный директор. Следователь и оперуполномоченный приблизились к нему.

– Бабухин Руслан Яковлевич? – обратилась к хозяину кабинета Инга Казимировна.

– Да.

– Я из прокуратуры, следователь по особо важным делам Гранская. Вот постановление на обыск.

– Какой обыск? – опешил Бабухин. – Кто разрешил?!

– Прокурор области, – продолжала Инга Казимировна и показала утверждающую подпись Измайлова на постановлении.

– А вы что тут торчите! – вдруг заорал на сантехников генеральный директор.

– Это понятые, – спокойно пояснил Жур.

– Я протестую! – перешел на визг Бабухин и, схватив телефонную трубку, начал лихорадочно крутить диск.

– Не положено, – невозмутимо произнес капитан, нажимая на рычаг.

– Да вы... Да ваш прокурор... – Генеральный директор «Люкс-панорамы» аж задохнулся. – Завтра полетите со своих постов! Слышите, завтра же!

– Ладно, ладно, – сказал Виктор Павлович, не повышая голоса. – До завтра далеко. Сегодня лучше не будем терять время...

– Вы, я вижу, не знаете, с кем имеете дело! – грозно вращая глазами, прорычал хозяин кабинета. – Я помощник товарища Гаврыся! Вот жаждем депутатский запрос о вопиющем беззаконии...

– В чем вы видите беззаконие? – спросила Инга Казимировна.

– У нас парламентская неприкосновенность, – с апломбом заявил Бабухин.

– У народного депутата Гаврыся – да. Но не у вас, – сказала Гранская. Ее властный тон подействовал на генерального директора. Он некоторое время сидел молча, нервно выстукивая пальцами по столешнице, и наконец проговорил:

– Учтите, я этого так не оставлю. Буду писать куда надо.

– Ваше право, – пожала плечами следователь. И сказала понятым: – Давайте поближе, товарищи.

Сантехники несмело приблизились к столу. Инга Казимировна попросила Бабухина встать и занялась содержимым ящичков. В первом же, верхнем, была обнаружена пачка иностранных банкнот: доллары, фунты стерлингов, немецкие марки, гульдены.

Валюта была пересчитана – количество, достоинство купюр. Бабухин на эту находку никак не реагировал. Стоял руки в брюки, разве что не насвистывал.

Следователь продолжала обыск.

– Что это за выставка? – спросил у хозяина кабинета Жур, показав на афиши.

– Выставка... – усмехнулся Бабухин. – Это те, кого я представляю жителям Южноморска. Между прочим, поддерживаю личные контакты, – многозначительно произнес он и добавил: – И с руководством Минкульта тоже...

– А картины чьи? – не обратил внимания на его намеки капитан.

– Подарены мне художниками, очень известными... Кстати, в настоящее время я веду переговоры о презентации картин Ильи Глазунова.

– А это не Пикассо, случайно? – подначил хозяина кабинета Виктор Павлович, останавливаясь возле полотна с абстрактной живописью.

– Я понимаю, вам не обязательно знать изящное искусство, – ехидно заметил Бабухин. – Но этот художник знаменит на весь мир. А открыл его я. Можете убедиться в этом из дарственной надписи на обороте. – Генеральный директор снял картину с гвоздя и, прежде чем Жур успел прочесть автограф, опустил ее на голову опера с такой силой, что полотно с треском порвалось, повиснув на шее Виктора Павловича.

В следующее мгновение Бабухин выскочил одним прыжком на балкон. Гранская, видя все это боковым зрением, на секунду растерялась, но тут же пришла в себя и кинулась за Бабухиным. Но тот уже перебирался на ветку могучего платана. Следователь заметалась вдоль железобетонных перил, понимая, что не сможет задержать беглеца. А он с прямо-таки обезьяньей ловкостью продрался сквозь листву и оказался над проезжей частью дороги, по которой катили автомобили. И когда в лоджии появился Жур, освободившийся наконец от картины, а вместе с ним понятые, Бабухин спрыгнул на проезжавшую под ним грузовую машину с крытым кузовом.

Инга Казимировна выскочила из кабинета в приемную. – Сбежал! – крикнула она операм.

Теперь они уже втроем поспешили вниз по лестнице. Следователь на ходу сообщила, как все произошло. Когда они выбежали из подъезда, Виктор Павлович сидел на обочине дороги с побледневшим лицом, держась за лодыжку.

– Что с вами? – бросилась к нему Гранская.

– Нога... – поморщился от боли Жур. – Неужели уйдет, гад?..

– Не дай бог! – вырвалось у следователя. – Что за машина? Марка, номер?

– Не знаю, – с трудом поднялся Жур.

Опера подхватили его под руки и посадили в служебный «москвич». Шофер, оказываясь, тоже не успел заметить, на какой машине исчез Бабухин.

Гранская лихорадочно огляделась. Редкие прохожие спешили по своим делам, мороженщица отпускала мальчику в школьной форме эскимо.

– Простите, – рванулась к ней следователь, – вы не видели?..

– Как не видела, – перебила Гранскую мороженщица. – Видела, лихо сиганул начальник. – Она кивнула на помпезную вывеску «Люкс-панорамы».

– И номер машины запомнили?

– Да кабы знала...

– Лошадь там была, – вдруг подал голос мальчуган, разворачивая станиолевую обертку эскимо.

– Какая лошадь? Где? – не поняла Инга Казимировна.

– И впрямь, – подтвердила продавщица, – из кузова той машины выглядывала лошадиная морда.

– А машина – ГАЗ-53, – солидно добавил мальчишка. Забыв даже поблагодарить, Гранская бросилась к «москвичу». Машина, взыв спецсигналом, тут же рванулась с места.

Бабухин лежал, распластавшись, на брезенте, думая только об одном: как бы не сорваться. Грузовик, на котором он очутился, ехал по центру города. Директор «Люкс-панорамы» отмечал машинально в голове маршрут следования. На одном из перекрестков машина приостановилась.

«Может, спрыгнуть?» – мелькнуло у Бабухина.

Но тут грузовик продолжил путь, а за ним – стайка автомобилей, угодить под колеса которым ничего не стоило, попытайся Бабухин спуститься на дорогу. Чтобы этого не случилось, Бабухин крепко ухватился за крайний металлический брус. Затем он подтянулся на руках и осторожно заглянул в темное чрево кузова. На него глянули выпуклые влажные лошадиные глаза.

Конь был один, без людей.

Оставаться на крыше мчащейся машины было опасно. Мало того что можно было сверзнуться вниз, еще кто-нибудь заметит и даст знать водителю.

Бабухин перевалился через край крыши фургона, некоторое время его ноги болтались в воздухе. Наконец генеральному директору удалось коснуться ими борта. В следующее мгновение он уже был в кузове.

По лбу Бабухина струился пот.

– Докладывает пост ГАИ номер семь, – послышалось из рации в салоне «москвича». – Крытый ГАЗ-53 с указанными приметами минут пять тому назад проследовал в сторону улицы Нахимова.

– Разворачивай! – приказал водителю капитан Жур.

«Москвич», подав спецсигнал, резко пересек осевую линию и помчался в противоположном направлении. Затем, пролавировав в потоке автомобилей, свернул в боковую улицу.

Бабухин отдышался, осмотрелся. Из кабины видеть его не могли: окошко закрывал брезент. Жеребец оказался смирным и на нового человека никак не реагировал.

«Есть ли погоня? – мучил беглеца вопрос. – Пока вроде не видно». Грузовик как ни в чем не бывало, не сбавляя скорости, двигался вперед, мимо пролетали палисадники, частные дома – пошла окраина. Жеребец, который косил на Бабухина глазом, был, видимо, знатных кровей. Лощеный, ухоженный. И везли его, скорее всего, на какие-то соревнования: в углу лежали седло и сбруя. Спортивные...

«А что, на хорошем скакуне можно далеко умчаться», – вдруг осенило Бабухина.

Навыки верховой езды у него были – мальчишкой приобщил отец. Генеральный директор «Люкс-панорамы» погладил жеребца. Тот лишь мотнул головой. Кажется, покладистый...

Подняв хрустящее кожей седло, Бабухин осторожно пристроил его на теплый гладкий круп.

– ...Мимо нашего поста только что проехал грузовой газик с лошадыю, – сквозь треск помех прохрипела рация.

– Начинайте преследование! – скомандовал капитан Жур. – Задержите!

– Не могу, – ответил невидимый работник ГАИ. – Мотоцикл забарахлил, что-то с зажиганием, будь оно неладно!

– Где ваш пост? – перебил его Виктор Павлович.

– На Ахвалинском шоссе. При выезде из города...

– Вот черт! – вырвалось у Жура.

Шофер «москвича» снова резко повернул и, обгоняя машины, помчался по узкой кривой улочке.

Грузовик неожиданно замедлил ход и вдруг встал. Бабухин осторожно выглянул наружу. Фургон переждал у железнодорожного переезда, по которому гроыхала «кукушка», таща за собой несколько платформ с гравием.

«Самое время сматываться!» – решил генеральный директор «Люкс-панорамы».

Быстро, но без шума он откинул задний борт, подвел к краю кузова скакуна, спрыгнул сам, а затем потянул за уздечку послушное животное. Оно легко спустилось на землю. Бабухин вскочил в седло и, прищипорив коня, помчался к речушке, протекающей параллельно шоссе. Конь и наездник пересекли водную преграду вплавь и исчезли в густой рощице.

«Москвич» пролетел мимо поста ГАИ, возле которого возился с мотоциклом молоденький лейтенант.

– С такой техникой только нарушителей ловить, – горько усмехнулась Инга Казимировна, проводив глазами гаишника.

– Ой, не говорите, – откликнулся водитель. – Я тоже больше валяюсь под машиной, чем езжу. И каждый раз боюсь, как бы не встать во время проведения операции.

– Типун тебе на язык! – сердито произнес один из оперативников.

Машина промчалась через железнодорожный переезд. Дальше дорога шла вверх. Когда они выскочили на вершину холма, шофер крикнул, довольный:

– Вон он, голубчик!

Метрах в четырехстах впереди двигался крытый грузовик.

– Прибавь, Гриша! – взмолился Жур.

Водитель показал на спидометр: мол, на пределе. И впрямь, «москвич» выжимал из своих тягловых возможностей все, на что был способен. Расстояние между ним и фургоном быстро сокращалось.

Когда до газака оставалось всего ничего, Жур и Гранская переглянулись: задний борт был откинут, в кузове, похоже, никого...

– Неужели ошиблись? – с тревогой произнес Виктор Павлович.

«Москвич» наконец поравнялся с грузовиком, и Жур махнул водителю газака, призывая остановиться. Тот тут же подал к обочине дороги и встал. «Москвич» тоже остановился. Жур и двое оперов бросились к фургону.

– Что везешь? – спросил капитан у шофера, молодого парня кавказской наружности.

– Алмаз везу, – ответил тот.

– Какой еще алмаз? – не понял Жур.

– Наш лучший скакун! – темпераментно проговорил кавказец. – На ипподром везу. Обязательно первый приз возьмем!..

Виктор Павлович поманил его пальцем и пошел к задку машины. Водитель вылез из кабины и обогнул грузовик.

– Вах! – схватился он за голову, увидев, что кузов пуст.

Глава 7

Небольшой тупорылый автобус, какие сохранились теперь только в глубинке, трясся по разбитой дороге в сторону поселка Гранитного. Среди полутора десятков пассажиров туда ехал и лейтенант Акатов.

Автобус съехал в поселок, разогнав нескольких кур, и остановился возле казенного двухэтажного здания. Какая-то старушка взялась показать Денису, где живет Бабухина. Оказалось, метрах в ста.

Над поселком висело лениво греющее солнце. Что радовало глаз – яблоневые сады. Ярко-красных и восково-желтых плодов на деревьях было больше, чем жухлых листьев. В воздухе стоял духмяный аромат яблок.

Мать афганца жила в двухэтажном кирпичном доме. Открыла она сама, провела в уютную однокомнатную квартиру с множеством безделушек, вышивок, половичков.

Акатов представился.

– Людмила Семеновна, – назвала себя Бабухина, насторожившись, к чему бы приезд работника милиции, да еще аж из самого Южноморска. – Присаживайтесь, – указала она на покрытый чехлом стул.

– Одна живете? – спросил Денис.

– Одна, – вздохнула хозяйка.

Она была в модном платье. Очевидно, собиралась на службу. И в свои годы (уже больше сорока) выглядела свежей и привлекательной. Акатов, сам деревенский, охарактеризовал бы ее одним словом – городская...

– Людмила Семеновна, хотел бы узнать кое-что о вашем сыне, Руслане.

– А чего вдруг вспомнили? – вздохнула она. – Почти три года как похоронила... Спасибо ребятам-афганцам, не забывают. Пишут, поздравляют с праздниками...

Она кивнула на стену, где висела фотография улыбающегося молодого человека в военной форме. Рядом висела другая: он же, чуть постарше, в штатском.

– Расскажите, если можно, подробнее.

– Обыкновенный парень... После школы – армия. Сам напросился в Афганистан... Ранили... Промучился по госпиталям, от ран и помер.

– Видно, судьба... – констатировал Акатов.

– Не судьба, а отец виноват, – возразила Людмила Семеновна. – Яков Прокофьевич был солдафон до мозга костей. И сына хотел сделать оловянным солдатиком... Да и мне, прямо скажем, всю жизнь перекорезил. Понимаю, что о покойном нельзя так говорить, но из песни слов не выкинешь.

– Что, Яков Прокофьевич умер?

– Тоже сложил голову в Афганистане. В чине подполковника. Оставил вдову и дочку-сироту.

– У него была вторая жена?

– Мы разошлись с Яковым Прокофьевичем, когда Руслан и Родион были мал мала меньше...

– У вас есть еще один сын? – еле сдерживая волнение, спросил оперуполномоченный.

– Ну да, Родион, – показала на фотографию парня в штатском хозяйка. – Старшенький. Акатов еще раз посмотрел на снимки. Братья были удивительно похожи. Одно лицо...

– На сколько лет Руслан младше?

– На один час, – чуть улыбнулась Бабухина.

– Близнецы?

– Двойняшки... А характерами – как небо и земля. Когда мы с мужем разошлись, Родион остался со мной, а Яков Прокофьевич взял Руслана... А вот помирать Руслан приехал ко мне. К маме не захотел.

– А где живет Родион?

– Вы, наверное, будете удивлены, но я не знаю. Жизнь у него получилась не очень складная...

– В каком смысле?

– Закончил восьмилетку, уехал в город, поступил в ПТУ. Закончил его, но на работу устраиваться не стал: осенью все равно в армию... Я посылала деньги. Пусть погуляет до казармы. – Бабухина хрустнула пальцами. – И вдруг вызывают меня в суд. Родю судили за дезертирство... Дали три года. Отсидел он, правда, полтора, освободили по амнистии. Перед самым возвращением Руслана. Так что хоронили мы нашего меньшего вместе... Сразу после похорон Родя уехал – и как сквозь землю провалился...

– Даже весточки ни разу не прислал? – удивился Акатов.

– За все время позвонил раза два на работу. Мол, жив-здоров. Я стыдила его, просила навестить меня. Родя говорил, что ему появляться в Гранитном – как нож в сердце. У нас ведь все про все друг о дружке знают. Злые на язык, по улице не пройдешь... Конечно, душа за него болит, как у каждой матери. Родя уверял, что как встанет на ноги, свидимся.

– Людмила Семеновна, а вы можете показать документы младшего сына?

– Документы? – задумалась Бабухина. – Были, когда сын жил, а потом куда делись, ума не приложу. Как-то кинулась искать, ничего не нашла, ни одной бумажки...

– Ваш сын был награжден медалью «За отвагу»... Где она, где удостоверение? Бумаги о ранении, лечении...

– Не знаю... Похоронами занимался Родион. Сам ездил в военкомат с бумагами, чтобы помощь оказали. А куда потом все это делось... – Она развела руками.

«Знаем куда», – торжествовал Акатов. Но вслух ничего не сказал.

Подписав протокол допроса, хозяйка заторопилась на работу в клуб, где была заведующей. Вышли из дома вместе. По дороге лейтенант узнал, что Бабухина родом из Подмоскovie, из города Химки, где когда-то окончила институт культуры. В Москве она познакомилась с будущим мужем. Он привез ее сюда. Рядом с Гранитным стояла воинская часть, где служил Яков Прокофьевич. Людмила Семеновна думала, что приехала на временное жилье, а оказалось – на всю жизнь...

Но эти сведения уже мало волновали Дениса.

В изоляторе временного содержания Гранская появилась не в лучшем состоянии духа. Во-первых, кажется, выбыл из игры капитан Жур. Его отвезли в травмпункт, и что с ногой у Виктора Павловича, пока неизвестно. Во-вторых, сбежал Бабухин. Прямо из-под носа. Его ищут, но вот найдут ли и когда...

Пришлось, как говорится, собрать волю в кулак и при встрече с Молотковым не показывать своего настроения. Следовательно не имеет на это права.

Задержанный был заспанный. По словам надзирателей, Баобаб дрех без просыпа. Очухивался лишь тогда, когда приносили еду.

Инга Казимировна начала допрос с того, что показала Молоткову фотографии картин, привезенные из Москвы.

– Ваши, Юрий Антонович?

Тот, смачно зевнув, взял снимки в руки.

– Господи, как искажены краски! – заметил он растерянно. – Сразу видно, пленка и бумага отечественные... Вы бы посмотрели оригиналы – как небо и земля!

– Видела.

- А где же картины?
- Летят во Франкфурт.
- А их автор сидит здесь, – печально произнес Молотков, оглядывая безрадостные стены и решетку на окне.
- Когда вы писали эти работы? – спросила Гранская.
- В течение последнего месяца.
- Конкретно вот эту? – показала на «Парящую голову» следователь.
- В тот день, когда мы обнаружили чемодан со жмуриком.
- Позвольте, но ведь вы говорили, что сразу потащили чемодан прятать.
- Не сразу, – мотнул головой Баобаб. – Сначала мы выпили. Морж закемарил. Ну а на меня накатило вдохновение. Знаете, другие могут писать одну работу неделю, месяц, а то и больше. У меня же прямо истерика какая-то. Хватаю бумагу или холст, кисть или фломастер и не успокоюсь, пока не закончу.
- Хотите сказать, нарисовали «Парящую голову» за несколько минут?
- Почему же, около часа трудился. Обычно это бывает после сильного впечатления, потрясения, так сказать.
- И какое же у вас было потрясение?
- Вы что думаете, я часто видел дохляков без головы? – осклабился Молотков.
- Понятно, – кивнула следователь. – Нарисовали, а дальше?
- Оставил картину в нашей берлоге, потащил чемодан вниз. Там на поляне меня и застукали.
- Но как картина в тот же день оказалась в «Люкс-панораме»?
- Не знаю, – пожал плечами Молотков. – Может, Морж отнес. Или Бабухин сам приезжал и забрал.
- А что вы можете сказать насчет этого? – Гранская ткнула пальцем в угол снимка, где была изображена голова. – Она принадлежит убитому?
- Откуда, я ж его видел только без головы.
- Так чья же эта? – допытывалась Инга Казимировна, показывая на голову, что изображена на картине.
- Баобаб провел ладонью по своей лысой макушке, по-детски улыбнулся:
- Сам не знаю, почему взбрело присобачить сюда калган этого гада. Наверное, мечтал, чтобы он сдох...
- Какого гада? – насторожилась Гранская.
- Есть один живодер. Голенищев фамилия...
- Откуда вы его знаете? – спросила следователь, удивленная тем, что в таком обычно флегматичном человеке проявилась неприкрытая злоба.
- Попил нашей кровушки, – ответил задержанный, явно взволнованный неприятными воспоминаниями. – Были у него с Моржом в рабах.
- В каком смысле – в рабах?
- Если вас держат ночью на цепи, травят собаками, как это назвать?
- Молотков встал со стула, расстегнул брюки и без всякого стеснения спустил до пола. Под самой ягодицей левой ноги зиял безобразный шрам. Такой же, но поменьше был на икре. Видимо, следы собачьих укусов.
- Для чего же вас держали на цепи? – поразились услышанному Гранская.
- Для чего? Для того, чтоб не сбежали. Голенищев за каждого дает купцу штуку...
- Тысячу рублей? – уточнила следователь.
- Ну да. А выжимает десять, а то и больше. – Догадываясь, что следователь все еще не понимает, о чем речь, Молотков пояснил: – Видите ли, он взял овцеводческую ферму в аренду.

Ну, якобы на семейный подряд. На самом же деле овечек у Голенищева пасут пять-шесть таких вот рабов, каким был я.

– Неужели?

– Факт, – кивнул Баобаб, подтягивая и застегивая брюки.

– Но как же вы согласились, чтобы вас продали? – все еще не могла поверить ему Инга Казимировна.

– Господи, да мы были рады! Ведь жили как бездомные псы на свалке. Пробавлялись отбросами. А тут предложили постоянную работу, харч пообещали клевый. Свежий воздух, на сто километров вокруг ни одного милиционера. Для нашего брата это самое главное. Вот Голенищев и пользуется. Знает, сука, что за все зверства ему ничего не будет. Какой бомж пойдет жаловаться к ментам? Да и не сбежишь. – Он похлопал себя по изуродованной ноге. – Я еще легко отделался. Ребята рассказывали, что этот фашист забил одного мужика насмерть, а мясом убитого кормил собак.

– А как же вам удалось избавиться от Голенищева?

– Бабухин вырчил. Вернее, выкупил. Меня и Моржа...

– Вы давно знаете Руслана Яковлевича?

– С ним Морж давно был знаком...

– Ну, за здорово живешь Бабухин не стал бы раскошелиться, так я понимаю?

– Надо думать, – усмехнулся Баобаб.

– В чем же была его выгода?

– Это уж вы сами спросите у Моржа, – хмыкнул Молотков. – Что же касается... Думаю, что мои картинки Бабухину нужны были. Товар, так сказать. А мне жрать надо. Куда беспаспортному ткнуться со своими работами? А Руслана не интересовало, имею ли я прописку.

– Много он дает вам за картины?

– У нас, так сказать, безденежный обмен. Я ему свой талант, а он – харч и выпивку.

– Бабухин часто заказывает вам картины?

– Заказывать? Мне, художнику! – искренне удивился Баобаб. – Нет! Я пишу только по вдохновению. Ну скажите, можно ли, например, заказать вот эту работу? – Молотков взял со стола фото картины под названием «Встреча».

Главным в ней было – невыразимо грустные женские глаза. Вокруг них – непонятные фрагменты. Но если внимательно приглядеться, то выходило, что эти фрагменты как бы составляли абрис лица. Ветви деревьев, неясные фигуры вроде бы изображали волосы. В сплетенных цветах угадывались губы, а два полумесяца очень напоминали шею и подбородок. На втором плане были изображены фигурки людей. Взрослых и младенцев. Среди них угадывались сам Молотков и Морж.

– Портрет женщины? – высказала осторожное предположение следователь.

– Воспоминания о женщине, – поправил Молотков. – И то, что с ней связано: любовь, молодость, мечты... Представьте себе, мужчина встречается через много-много лет свое прошлое...

Он замолчал, грустно глядя в окно.

– Личное? – спросила Гранская.

– Нет, – медленно покачал головой Молотков. – Но и очень близкое мне. Свидетелем встречи я оказался случайно. И меня просто поразили глаза этой женщины... Такие же, наверное, были бы у моей жены, увидь она меня сейчас... После этого он ходил как чокнутый...

– Кто? – не поняла Инга Казимировна.

– Морж.

– А он-то при чем?

Гранскую каждый раз сбивала с толку манера задержанного перескакивать с одного на другое.

– Так ведь я изобразил встречу женщины с ним. Понимаете?

– Погодите, погодите. Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее. Когда это было, где, что за женщина?

– Когда? – переспросил Баобаб, почесывая голый череп. – Недели две-три назад. А насчет где: в сквере было дело, «У Дуни». Пришли мы туда калымить. На пузырь. Вернее, я сидел в сторонке, а Морж предсказывал судьбу клиентам. По руке. Набрали уже на две полбанки, хотели пойти в винный, вдруг подходит дамочка. Уже не первой молодости, но, скажу я вам, вполне еще весьма... И просит она Моржа рассказать, что ее ждет. Тот берет ее лапку, смотрит на линии, говорит о том, что видит, а потом вдруг...

Молотков неожиданно замолчал.

– Что – вдруг? – нетерпеливо спросила Гранская.

– Понимаете, Инга Казимировна, даже не могу передать, что и как между ними произошло... Словно ток прошел через их руки.

– Разволновались? – подсказала следователь.

– Да нет, словами это не выразишь. – Он ткнул пальцем в фотографию картины. – Не знаю, удалось ли, но я попытался выразить своими средствами: через глаза женщины.

Баобаб снова умолк.

– И что же дальше?

– Она как бы очнулась, вырвала руку, достала из сумки первую попавшуюся купюру, сунула Моржу и цок-цок каблучками... А он стоит как замороженный. Я подбежал, смотрю, держит в руке пятидесятирублевку. Толкнул Моржа, говорю, что это за краля? Он, ничего не ответив, сорвался, побежал за ней. Но так и не нашел, как сквозь землю провалилась... Надрались мы с ним в тот день по-черному. Морж и выложил по пьянке, что когда-то был по уши влюблен в эту дамочку, тогда она еще была совсем молоденькая. И главное, познакомились они сумасшедшим образом. Она его с того света вернула.

– Каким образом?

– Самым натуральным... Морж полез купаться в пруд где-то на окраине Москвы. Ну и свело мышцы. Девчонка эта и вытащила его из воды. Наглотавшегося, без сознания... Откачала, вызвала скорую. Моржа увезли в больницу в балдежном состоянии. Там он оклемался, спрашивает, кто, мол, спаситель. Врачи не знали... Морж мне рассказывал: помню, мол, как в тумане красивое лицо... Словно во сне привиделось. Ну а потом стал искать. Не нашел... Но вскоре их случай свел... А кино так и назвал «Девушка из моих снов»...

– Какое кино?

– Ну, свою первую картину. Ему, понимаете, после ВГИКа дали снимать полнометражный фильм. В главной роли он и решил снимать свою спасительницу.

– Вы видели этот фильм? – поинтересовалась следователь, так как не смогла его припомнить.

– Нет. Я вообще терпеть не могу кино. Разве это искусство? Театр – другое дело.

– Фамилию этой женщины он называл?

– Нет. Только имя. Лайма. Редкое, правда?

– Редкое, – согласилась Гранская. – И что же, они поженились?

– Я так и не понял. Морж сказал, что после съемок они жили как муж и жена, а потом расстались. Почему – не объяснил. А я в душу не лез... Однако после встречи «У Дуни» я понял – здорово его зацепило. Потом Морж где-то пропадал дня три. Заявился и говорит: знаешь, у меня была дочь. Умерла совсем маленькой, грудной. Я спрашиваю: дочь Лаймы? Да, говорит. И напился, неделю не просыхал.

– Юрий Антонович, Морж не делился с вами, может, у него появились какие-то планы в отношении Лаймы?

– Прямо – нет. Но как-то вырвалась фраза: «Я готов ей все простить».

- А что конкретно?
- Не говорил.
- Еще вопрос. Она сейчас замужем?
- Чего не знаю, того не знаю.

У Гранской в голове уже возникла новая версия, в центре которой была ревность, та самая ревность, которая так часто толкает людей на тяжкие преступления.

- Где живет Голенищев? – спросил Захар Петрович Измайлов.
- Они сидели с Ингой Казимировной в его кабинете.
- Хутор Большие Ковыли, – ответила следователь.
- Уму непостижимо! – возмущался облпрокурор, записывая что-то на перекладном календаре. – Чтоб в наше время людьми торговали!..

– Я считаю, нужно немедленно проверить показания Молоткова. Представляете, если они подтвердятся?!

– Да, это дело так оставлять нельзя. Сегодня же позвоню в Ростовскую прокуратуру. – Измайлов отложил ручку. – Вы знаете, Инга Казимировна, просто отказываюсь понимать, что происходит вокруг.

– Самое страшное, что мы уже начинаем привыкать. Я последнее время все чаще вспоминаю одно высказывание Достоевского. Федор Михайлович писал: «Я хочу не такого общества, где бы я не мог делать зла, а такого именно, чтоб я мог делать всякое зло, но не хотел его делать сам...» Понимаете, безвыходность, ежедневное, ежечасное унижение пробуждает в наших людях самые темные, самые дикие инстинкты.

– Но какая глупость или слепота привели нас к краю пропасти? – спросил скорее самого себя Захар Петрович.

– Кто ищет зла, к тому оно и приходит, – вздохнула Гранская.

– Разве мы его искали? – недовольно заметил Измайлов. – О чем вы говорите, Инга Казимировна!

– Не я говорю – Соломон... Все наши догмы основаны на культе насилия. Переиначить, переделать, разрушить... Вот и пожинаем плоды.

– Пожалуй, есть над чем подумать, – согласился Измайлов и перешел к другому: – Значит, какая у вас новая версия?

– Она связана с той женщиной, которую встретил Морж. Предположим, убитый – муж Лаймы или близкий ей человек...

– И что из этого вытекает?

– А вот что. Встретив свою бывшую любовь, Морж, как выразился Молотков, ходил словно помешанный. И потом специально ее искал. Три дня отсутствовал. Возможно, у него появилась мысль: вот он, последний случай вырваться из омута, куда загнала Моржа жизнь. Создать семью и прочее... Но на пути стоит другой мужчина. Так он приходит к выводу убрать соперника...

– Алиби у Моржа есть?

– Какое там алиби? Вообще неизвестно, что он делал вечером и ночью 22 октября.

– Сам-то он что говорит?

– Да ничего. До сих пор молчит.

– Врач осматривал?

– Конечно. Главный психиатр области. Считает, похоже на реактивное состояние. Длительный ступор, оцепенение.

– Чем, по его мнению, это вызвано?

– Обычно такое состояние бывает в результате сильного переживания. Если Морж убил, а это могло случиться в пьяном виде, представляете, какой он испытал ужас, придя в себя!

– Короче, как я понимаю, без судебно-психиатрической экспертизы не обойтись, – заключил облпрокурор. – Что вы думаете делать дальше?

– Прежде всего разыскать Лайму.

– По глазам на картине Молоткова? – усмехнулся Измайлов. – Ведь вам неизвестна фамилия, отчество, кто она, где живет, кем работает.

– Фамилию можно узнать из титров фильма «Девушка из моих снов». Правда, в нашем кинопрокате этой картины нет... Как вы думаете, удобно ли опять обратиться за помощью к москвичам?

– Вы, наверное, так обаяли генерала Кочергина, что он не откажет, – улыбнулся Захар Петрович.

– Ну что ж, воспользуюсь, – улыбнулась в ответ Гранская.

– И еще, – снова посерьезнел облпрокурор, – что вы думаете о побеге Бабухина?

– Причина у него наверняка была серьезная.

– Конечно, живет по документам умершего брата, замешан в валютных махинациях...

– А может, и того хуже... Я не исключаю его причастности к убийству. То, что у него какие-то делишки с Моржом, – факт.

– Да, интересно, что их связывает?

– Я уже дала задание лейтенанту Акатову выяснить это в колонии, где отбывали наказание Бабухин и Морж. Возможно, связь их началась именно там.

– Ну и здесь нужно копать. Так что, Инга Казимировна, форсируйте. А то меня не оставляют в покое.

– Забалуев? – усмехнулась следователь.

– А кто же еще! – нахмурился Захар Петрович. – Вот я думаю, неужели у председателя облисполкома мало своих дел, что он лезет в чужие.

– Ладно, я пойду, – поднялась Гранская. – Звонить в Москву...

Поселок Шошино был Богом забытым местом. Поэтому, наверное, и выбрали его для размещения колонии строгого режима. Неизвестно, сколько бы времени добирался до него Акатов, не выручи военные. Краснозвездный вертолет доставил лейтенанта милиции в Шошино за каких-нибудь двадцать минут. Гигантская стрекоза улетела дальше по назначению, а Денис зашагал по улице поселка с одно- и двухэтажными домами барачного типа.

Вот и тяжелые металлические ворота, окошечко – все исправительно-трудовые учреждения на одно лицо. Пока решался вопрос о пропуске, Акатов изрядно промерз на злом, резком ветру. Наконец его пропустили в зону. Но, к огорчению Дениса, начальник оперчасти был в колонии всего несколько месяцев и мало чем мог помочь Акатову. Да и сам начальник колонии служил здесь без году неделя. Денису посоветовали поговорить с прежним начальником отряда, в котором состояли Бабухин и Морж.

Показать, где живет разжалованный капитан внутренней службы Савелий Фомич Сусликов, взялся освободившийся с поста контролер.

– А удобно к нему домой? – на всякий случай поинтересовался Акатов.

– Примет, – усмехнулся тот. – А если бы еще пришел к нему не пустой – самым дорогим гостем был бы...

– В каком смысле? – не понял Денис.

Охранник вздохнул: сам не дотумкал, так что объяснять...

– Старый хоть? – продолжал расспрашивать лейтенант.

– Да нет... Уволили, потому что допустил беспредел. Ты с ним вообще по-простому.

Он еще успел рассказать, что Сусликов живет бобылем: жена ушла, забрала с собой дочку.

Когда они постучали в одну из дверей в бараке, открыл, как понял Акатов, сам Савелий Фомич. Он был в мятых, замызганных форменных брюках и рубашке, непричесанный.

– Что, передали? – обрадовался Сусликов.

– Не-а, – мотнул головой охранник. – Ты знаешь, Фомич, я этими делами не занимаюсь.

– Эх, мать вашу!.. – в сердцах выразился отставной капитан, и глаза его потухли.

Контролер представил гостя и поспешил удалиться.

– Заходи, лейтенант, – пригласил Дениса хозяин.

Акатов вошел в комнату и едва сдержался, чтобы не зажать нос: пахло перегаром, мышами, еще чем-то кислым и несвежим. Квартира была грязна и запущена, как и ее владелец.

– Я по делам службы, – начал Денис, уже сомневаясь, будет ли толк от разговора с Сусликовым.

– Садись, садись, – сказал тот, пытливо оглядывая гостя и убирая со стула сомнительного вида тряпку. – Пустой небось?

– Увы, – развел руками опер, уразумев наконец, что речь идет о выпивке. И почему-то извиняющимся тоном буркнул: – Не догадался: может, потом схожу?

– А, ладно, – махнул рукой Сусликов. – Все равно не знаешь, у кого добыть... Так за каким хреном?.. – Он спохватился, откашлялся. – Словом, что тебя интересует?

Акатов сказал: бывший заключенный Руслан Бабухин.

– Помню, – кивнул хозяин. – Кликуха – Лютик. Мотал у нас срок по двести сорок семь-мой.

– Да, за дезертирство, – подтвердил лейтенант. – Правда, подробности дела мне неизвестны.

– Что ж, расскажу и подробности, если хочешь... Погорел он так: от армии, вишь ли, решил избавиться. Ну и присоветовали Бабухину обратиться к одному врачу, психиатру... Тот здорово наблатыкался освобождать маменькиных сынков и бздюхалеев. Хитро работал мужик...

Сусликов встал, заглянул в облезлый шкаф, вытащил бутылку, посмотрел на свет. Пустая... И со вздохом поставил на место.

– Как же тот врач действовал? – заинтересовался Акатов.

– Очень просто, – снова сел хозяин. – Приходит к нему клиент, говорит, через полгода, мол, призыв. Как бы отбояриться? За эти, конечно. – Разжалованный капитан сделал известный жест пальцами. – Психиатр заводил историю болезни. Писал в ней, например, что у больного в голове все время играет музыка или слышатся человеческие голоса. Глюки, словом. Или хочет вылететь птичкой в окно... Для пущей верности мог и в больницу положить. Уразумел?

– Вроде бы, – кивнул Денис.

– Подходит время призываться, а у парня на руках, считай, белый билет – ведь шизиков в армию не берут. Таким макарком и Бабухин хотел проскочить. Но вдруг – бац! Медкомиссия послала на обследование. Причем к таким зубрам, которые на своей психиатрии пуд соли съели. Короче, как Лютик ни мухлевал, как ни старался изобразить чокнутого, разоблачили.

– Но почему послали на проверку именно его?

– Не только его. Всех, кому раньше тот психиатр поставил диагноз... Я понимаю так, что на него кто-то настучал, – пояснил Сусликов. – Ну, врач схлопотал десятку с конфискацией, а его клиенты различные сроки. Бабухин, насколько я помню, два года...

– А за что его отправили на строгий режим? Два года, какой это срок?!

– Черт его знает. Я сам удивился, когда прочитал приговор. Даже обратил внимание прокурора по надзору. Тот обещал разобраться, да так ничего и не сделал. Видать, просто забыл. И попал Лютик из огня да в полымя.

– Странная кличка, – заметил оперуполномоченный.

– А он и впрямь походил на цветочек: застенчивый, как девица. – Савелий Фомич плотоядно хихикнул. – Ну и чуть ли не в первый день на него надели юбку... Знаешь, что это такое у эков?

– Да, – кивнул Денис, – изнасиловали...

– Здорово навалился на Бабухина Хлыст. Сидел за убийство. Причем убил свою же любовницу и съел.

– Съел? – переспросил ошарашенно Акатов.

– За милую душу! Главное, замариновал мясо, пригласил дружков и накормил шашлыком из человечины. – Видя, что лейтенанту не по себе, Сусликов усмехнулся. – Ты, брат, только начинаешь службу. Такого еще насмотришься!..

– Кое-что уже видел, – бодрился Денис.

– Ну а в нашей колонии народ совсем отпетый. Один, к примеру, застал у занозы⁴ любовника, схватил ее годовалого ребеночка и выбросил в окно на снег... Ребенок обморозился, ампутировали обе ножки.

– Ну и что же Бабухин? – направлял в нужное русло разговор Акатов.

– Что... – хмыкнул Савелий Фомич. – Мастевые⁵ в колонии – самый отброс, можно сказать. Их и за людей не считают. Измываются как хотят. Насать мастевому в лицо – это еще самое безобидное. Пропал бы Лютик совсем, не потрафь он пахану...

Сусликов неожиданно вскочил, подбежал к окну. Когда фигура в шинели прошла по улице мимо, он с огорчением вернулся на свое место и спросил:

– Об чем я?..

– Бабухин потрафил пахану...

– Да-а, Саша Франт был пахан-парень! – многозначительно поднял палец Сусликов. – Перед ним на цырлах не то что отряд, вся колония ходила. Как-то Франт при Бабухине рассказал свой сон. Лестница ему приснилась. Будто он идет по ней вверх... Лютик выбрал момент, когда они остались одни, и говорит: хороший сон, Саша. Что задумал сегодня делать, успех обеспечен. Франт усмехнулся: какая-то вошь смеет ему советовать. А Бабухин уверяет: раз такой сон пришелся на первое число, значит, сбудется обязательно... Франт забыл об этом, а когда ночью сел играть по-крупному и сорвал колоссальный куш, тут и вспомнил предсказание. И велел на следующий день своей шестерке снять новые корочки и отдать Лютику.

– Да, новые ботинки для эка – целое богатство, – кивнул Денис.

– А в другой раз, – продолжал Сусликов, – Саше Франту приснилось зеркало. Призвал он Бабухина, растолкуй, мол. Тот предупредил: очень плохой сон. Бойся, говорит, Саша, корешей, задумали против тебя предательство. Представляешь? И ведь впрямь Сашу Франта замыслил свалить с паханов один из эков. Саша дознался, что с воли специально пронесли в зону какую-то отраву. Вот такие, брат, дела...

– И чем кончилось? – поинтересовался Акатов.

– Загнулся тот эк, что хотел Сашу свалить. Промучился два дня в больнице и откинул копыта. Тогда Франт спросил у Лютика: какое твое самое большое желание? Все для тебя сделаю, даже бабу... А тот говорит: бабу не хочу, а хочу Хлыста. Ну, того, кто его трахнул... Для Саши это семечки. Шестерки поставили Хлыста на четыре косточки, ну и Бабухин его при всех несколько раз, да еще в рот... Большого позора в колонии не существует. Тогда Хлыст поклялся посадить Лютика на перо. Ну его самого нашли мертвым на лесоповале.

– Кто убил, установили?

Сусликов покачал головой: мол, наивный вопрос. И продолжал:

⁴ Заноза – любовница (*жарг.*).

⁵ Мастевой – пассивный гомосексуалист (*жарг.*).

– Вот так Лютик вышел из грязи в князи. И был правой рукой у Саши Франта до окончания срока.

– Понятно, – сказал Акатов. – Но меня интересует еще один ваш бывший заключенный. По кличке Морж.

– Аркаша Довгаль? – сразу же отозвался отставной капитан. – Из бомжей?

– Да, он, – подтвердил лейтенант, подумав: алкаш алкашом, а память у Сусликова отменная. – За что он сидел?

– У Моржа это была вторая ходка. За нарушение паспортного режима и квартирную кражу.

– А первый срок за что, не знаете?

– Как же не знаю? Знаю. Первый раз он сидел давно. Статья девяносто вторая, часть вторая, хищение...

– Хищение? – удивился Акатов. – Он же был кинорежиссером.

– Точно. Аркадий сам подробно рассказывал. Влип по глупости. У них, киношников, оказывается, тоже всякие интриги. Закончил Аркаша первую классную картину, а на экран ее не пустили, вторую не дают. Жить на что-то надо? Вот он и подрядился снимать документальное кино по заказу колхозов. Истратили уже почти все деньги, а тут – бац! – ревизия. Припаяли, будто председатель колхоза под это дело прикарманил тысяч двадцать. Ну и Аркадию вроде бы подкидывал. Но Морж утверждает, что лишних денег они не брали. Дело по заданию обкома следователь сфабриковал, а суд проштамповал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.